

Михаил БАРУ

«ЖИВЯ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТДАЛЕНИИ...»

Пудож

Историю Пудожа, как и любого другого русского города, нужно начинать с первого упоминания в летописях, берестяных грамотах, каких-нибудь приходно-расходных книгах монастырей, духовных, закладных, накладных... Есть и берестяная грамота, как не быть, да только история Пудожа особенная – ее надо начинать с петроглифов. Правду говоря, петроглифов, которыми было бы зашифровано в виде пляшущих человечков или медведей с оленями название города, не найдено. Собственно, и эти петроглифы в тридцати верстах от того места, где теперь находится город, но...

Начнем все же с самого начала. Вернее, с середины девятнадцатого века, когда хранитель минералогического музея Академии наук в Санкт-Петербурге Константин Гревингк, путешествуя по Архангельской и Олонецкой губерниям, обнаружил в Пудожском уезде, на берегу Онежского озера, выбитые на прибрежных гранитных валунах изображения животных и людей. Скорее всего, он бы их не обнаружил, если бы ему не подсказали местные жители места обитания всех этих птиц, рыб, деревьев и людей. Так или иначе, а он их нашел на мысах под названием Пери Нос и Бесов Нос. Радиоуглеродного метода определения возраста подобного рода находок тогда не существовало, а потому можно было на предмет происхождения петроглифов строить самые различные гипотезы, что ученые с большим удовольствием и делали. Теперь все куда скучнее – известно, что петроглифы родом из мезолита и им отроду от шести до семи тысяч лет. К инопланетянам они никакого отношения не имеют, хотя самый большой из них, называемый бесом, носит на плечах квадратную, как у телевизора, голову и смотрит на мир глазами размером с розетки для варенья. Вообще, всех петроглифов уже найдено больше тысячи – тут тебе и собаки, и лебеди, и медведи, и ящерицы, и стерлядь, и налим, и мужчины, и женщины, и луна, и солнце на тонких стебельках, и длинные лодки с гребцами, похожие на облысевшие зубные щетки, и просто треугольники на ножках, и даже православный крест, которым в четырнадцатом веке неугомонные монахи близлежащего Муромского Свято-Успенского монастыря на всякий случай заклеили беса.

Между прочим, беса нужно кормить. Таков обычай, как сказал мне гид. Пришел к нему – покорми. Хорошо, что тешить не заставляют. Процедура кормления состоит в том, чтобы в щель, которая проходит через все тело валуна, на котором бес выбит, запихнуть какой-нибудь еды. Я затолкал туда немного хлеба, немного докторской колбасы и кусочек огурца, а гид... Не будем, однако, отвлекаться от петроглифов. После их открытия Гревингком оказалось, что незадолго до него петроглифы открыл учитель петрозаводской гимназии Петр Швед, о чем и написал статью в журнал Русского географического общества. Ему, как и Гревингку, местные крестьяне рассказали легенду о происхождении онежского беса. Только по Гревингку «В народе ходит легенда, будто бы много-много лет назад здесь обитали черт и его жена (бес и бесиха), и они удостоверили свое пребывание здесь в странных фигурах на скале. Но тут пришел живой Христос и истинная вера, и он якобы поставил кресты на дьявольских картинах. Злые духи должны были немедленно уйти: они хотели, отправляясь в путь, взять с собой на память о своем любимом месте часть скалы, но при исполнении своего намерения они обрушились вместе с блоком скалы в озеро и утонули»¹, а по Шведу у бесов была дружная и крепкая семья, но черт дернул беса перенести свой дом подальше, и он потащил на веревке мыс в озеро, но смог

оторвать от скалы только небольшой угол, упал вместе с ним в воду и утонул. С тех пор жена беса живет на скале одна. Кстати, ученые тоже думают, что оставшийся бес этот женского полу, поскольку ноги у него расставлены так, как у рожавшей женщины. И вообще в неолите рисовали все как есть. Мужчину и рисовали вместе со всем, что ему полагалось – не только с каменным топором, копьем и луком, но и с морковью. После открытия петроглифов началось их неспешное, как и все в позапрошлом веке, изучение. Власти тоже заинтересовались находкой. От имени олонецкого губернатора был сделан запрос о надписях на камнях. Пудожский исправник в начале ноября восьмьсот сорок восьмого года посетил мыс Бесов Нос и отправил в канцелярию отчет, в котором сообщал о том, что из-за сильного волнения на озере и мороза ни одной фигуры он увидеть не смог, а крестьяне, как он их ни спрашивал, так и не вспомнили, хотя и старались, кто и когда петроглифы на камнях выбил. Летом следующего года пудожский уездный землемер часть рисунков скопировал и отправил в Петрозаводск, в губернаторскую канцелярию. Там их след затерялся. Ученые тем временем строили гипотезы. Один считал, что петроглифы дело рук племени самоедов, обитавших в этих местах в незапамятные времена, другой – что самоеды здесь ни при чем и Бесов Нос был местом, где лопари, чудь и проезжавшие мимо новгородские ушкуйники приносили жертвы, чтобы умилостивить богов – каждый своих. Третий утверждал, что местные финские племена до петроглифов своим умом дорости не могли и скорее всего это дело рук более развитого новгородского племени, которое жило на берегах Онежского озера в незапамятные языческие времена. Приезжали посмотреть на петроглифы ученые шведы из Стокгольма и привозили с собой ученого англичанина из Кембриджа. Приезжали и другие, но никому из них и в голову не пришло петроглифы забирать с собой, поскольку они были выбиты на огромных гранитных валунах. В девятьсот тридцать пятом году, однако, это случилось – четыре фрагмента скалы с мыса Пери Нос перевезли в Эрмитаж. Понятное дело, что скала просто так не сдалась – пришлось ее взрывать. Во время взрыва уничтожили целую сцену, изображавшую рождение ребенка. Самый крупный фрагмент из привезенных в Эрмитаж теперь представлен в экспозиции музея. Этот зал посетители обычно пробегают не останавливаясь, чтобы сэкономить время, отведенное на Рембрандта и Тициана.

Увы, Пудожскому краеведческому музею не обломилось (ни в прямом ни в переносном смысле этого глагола) ни одного кусочка, на котором были бы изображены петроглифы. В зале, посвященном петроглифам, стоят в рамках фотографии с бесом в натуральную величину, ящерицей, лебедями, лосями, лодками и собаками. Тем, кому этого мало, покажут четырехминутное кино на экране компьютерного монитора.

В две тысячи восьмом году археологом из Петрозаводского государственного университета Александром Жульниковым были случайно, во время экскурсии, открыты почти два десятка новых петроглифов. К счастью, они оказались уже на отколотой каменной плите, лежавшей под корнями упавшей сосны. Пудожский музей не стал терять время даром и быстро эту плиту отвез к себе. То есть сначала Пудожский РОВД изъясил у археолога его находку, поскольку тот не имел открытого листа на проведение раскопок, а потом уже плиту отвезли в музей. Плита была большая, и пришлось даже разбирать часть стены, чтобы ее поместить в экспозицию, но... Жульников от своей находки не отступился и в суде стал доказывать, что ее необходимо отвезти туда, где петроглифы можно исследовать, а в Пудожском краеведческом музее условий для исследований нет. То есть не просто нет, а нет совсем. Вмешались другие археологи, считавшие, что Жульников неправ, вмешалось министерство культуры Карелии, разразился скандал, потом состоялся суд и... мировой судья постановил, что плиты с иероглифами Пудожу не принадлежат. Теперь в Пудожском музее стоят, прислоненные к стене, фотографии петроглифов в рамках, а сами каменные плиты находятся в Петрозаводске, в Национальном музее республики Карелия.

Оставим, наконец, петроглифы и перейдем к берестяным грамотам. Авторы петроглифов, как говорят ученые, пришли в эти богатые пушным зверем и рыбой края со стороны Урала и верхней Волги. Через несколько тысяч лет, уже в неолите, к ним добавились пришедшие сюда из мест, находящихся между Волгой и Окой. Все эти племена, наверное, как-то назывались, но петроглифы не иероглифы, а тем более не буквы, и глядя на лосей, собак, рыб и людей в лодках, сложно делать какие-либо предположения на этот счет. К концу первого тысячелетия нашей эры, когда в эти леса начали проникать первые славяне, аборигенов стали называть чуждью. Кого только чуждью славяне не называли – и весь, и вепсов, и карелов, и... но сейчас не об этом. Сейчас о славянах, которые приходили сюда из Великого Новгорода. Сначала приходили крестьяне, которые основывали новые деревни или подселялись в существующие. Крестьяне приходили сюда не от хорошей жизни – в тринадцатом веке всю Новгородскую землю поразил ужасный голод, ну и постоянные княжеские междоусобицы никто не отменял – сыновья Всеволода Большое Гнездо – Михаил и Ярослав так боролись за новгородский стол, что у крестьян трещали не только зубы. Вот они и решили уйти от всех этих напастей в места, где, может быть, и не текут молочные реки с кисельными берегами, но незанятой земли, рыбы в реках и озерах, всякого зверя в лесах достаточно, чтобы пропитаться. Вслед за крестьянами, которым новгородский князь Михаил Всеволодович разрешил пять лет не платить дань, пришел и сам господин Великий Новгород с купцами, монахами, боярами и податями. Началось в Пудожском крае, как говорят историки, обояривание – всех посчитали, поделили, приписали к разным боярским вотчинам и обложили налогами. В низовьях реки Водлы, впадающей в Онежское озеро неподалеку от Бесова Носа, образовалось несколько погостов, одним из которых стал Никольский Пудожский погост. В погостах были еще и церкви, и потому у них были такие сложносочиненные имена. К счастью, гипотез о происхождении названия города всего две – серьезная говорит о том, что *puvas* на языке карелов означает рукав реки или протоку, а приверженцы несерьезной утверждают, что происхождение свое название города ведет от древнерусского *пуд*, поскольку торговали местные жители пудами ржи, овса, рыбы, дичи и всем, что родит тамошняя земля.

Первое письменное упоминание о Никольском Пудожском погосте содержится в отчете сборщика податей своему господину в Новгород. Найденный в Новгороде отчет написан на бересте и датируется второй половиной четырнадцатого века. Если точнее, то семидесятыми или восьмидесятыми годами. Добрался сборщик до Пудоги как раз в тот день, когда там был праздник под названием *русалий*. Одни ученые утверждают, что праздник не был связан с русалками, водившимися тогда в каждом втором ручье, не говоря о реках и озерах, а представлял собой самое обычное моление о дожде. Другие говорят, что без культа русалок здесь не обошлось. Его устраивали в самом начале лета с целью поднятия плодородия. Скорее всего, крестьяне платили своему новгородскому боярину рыбный оброк, поскольку рожь в тех местах росла, но, в отличие от рыбы, урожай ее был, несмотря на усердные молитвы, очень скуден, а пшеницу сеять даже и не пытались. Подати платили и пушниной – в основном белками и куницами. Все же основным занятием пудожских крестьян было подсечно-огневое земледелие. Сеяли рожь, овес, лен и ячмень. Земли у крестьян было достаточно. Аборигены – чужд и лопари – были кочевыми племенами и земледелием не занимались. Да и не осталось их почти к концу четырнадцатого века – все они обрусели и смешались с пришлым русским населением.

Не на бересте, а на бумаге Пудож был упомянут в первый раз в триста девяносто первом году в Обводной книге Юрьева монастыря, в качестве его олонекской вотчины. Пудож с самого начала был мирным поселением. Никогда у него не было ни крепостных стен, ни башен, не стоял в нем гарнизон и пушкарки со стрельцами не палили из пушек и пищалей по набегам татарам, ногайцам или черемисам. Впрочем, в эту глухомань ни татары, ни ногайцы с черемисами не добежали. Другое дело москвичи. В середине пятнадцатого века московский князь Дмитрий Шемяка, разбитый другим московским

князем Василием Темным, бежал с остатками своего войска на север, а по пути захватил и разграбил маленькую беззащитную Пудогу.

Через тридцать лет после разорения Пудогы войском Шемяки Новгород со всеми своими землями был присоединен к Москве. Земельные владения новгородских бояр (одной только Марфе Борецкой, которую мы все знаем как Марфу-посадницу, в Никольском Пудожском погосте принадлежало около полусотни деревень) перешли к Ивану Третьему, а крестьяне, жившие в деревнях на этих землях, были записаны в черносотные и должны были платить налоги в московскую казну за пользование землей. Москва умела собирать налоги, и так она их умело собирала, что через сто с небольшим лет московской власти в Пудожском погосте образовалось десять пустых деревень и почти шестьдесят пустошей. Это при том, что медведей с волками в те времена здесь проживало куда больше, чем людей. Деревни тогда дорастали в лучшем случае до молочной спелости. Еще в начале семнадцатого века в Пудожском крае деревень с десятью и более дворами было всего три. Во всех остальных имелось по семь, по пять, по четыре, а то и по три двора. Да и всех-то дворов насчитывалось восемьдесят пять. Проживало в них немногим менее двухсот душ мужского пола, а значит, и всех остальных, включая баб и детишек, никак не более тысячи.

Собирать подати в Никольский Пудожский погост приезжали целовальники и таможенные головы из соседнего Повенца. Само собой, и целовальники и таможенные головы своим служебным положением злоупотребляли и облагали крестьян дополнительными сборами. Мало того, все эти налоговые инспекторы приезжали к крестьянам не на один день собрать налоги и уехать. Как писали пудожские крестьяне в своих челобитных вышестоящему начальству: «...и стоят многие дни человек по десять и больше, и пьют, и едят, и подводы емлют у монастырских и у государевых крестьян всякому человеку по подводе, да под запас подводы ж... и по подводе емлют в обе стороны – от Повенца едучи и назад на Повенец – и в бездорожье лошадей многих замучат»². Способов взимания налогов, если они не были уплачены в срок, у целовальников и таможенных голов было немного – примерно один. Назывался он правож. «...И деньги имали смертным правожом, и на правоже били и мучали, а в Новгородском-де во всем уезде таких сборов и мучения нигде нету»³. И это не все. Жаловались крестьяне на множество гонцов и посыльных, которые на ямских станциях «емлют без указу кормы и харчи себе многие и крестьян бьют на правоже, и от тех кормов и харчей убытки бывают многие, от того они, крестьяне до конца разорилися»⁴.

Тяжелее всего приходилось монастырским крестьянам. С них драли не семь, но семьдесят семь шкур. Они обязаны были платить подушную подать, кабальный хлеб, рублевый оброк, пятину, помольные, свиточные, куничные, выводные, свадебные, за косцов, за приказчиков, с водяных мельниц, за конюшенные припасы, за кровельный тес, а кроме того натурой нужно было отдать рожь, ячмень, коноплю, горох, соленые и сухие грибы, малину, смородину, бруснику, чернику, холсты... ~~Теперь то можно бесплатно собирать валежник, а тогда и этого не разрешали.~~

И все же рыба в Водле и Онежском озере была. Крестьяне Пудожского погоста владели рыбными ловлями на Водле неподалеку от ее впадения в Онежское озеро. Большую часть лососей, сигов, судаков и щук, ежегодно поставляемых в новгородский Юрьев монастырь, ловили именно там⁵. В больших количествах пудожане ловили налимов, иногда огромных, из-за чего получили прозвище меньков-толстоголовок, поскольку мень или менек – старинное название налима. Низовья Водлы в девятнадцатом веке считались местом, где производились самые большие уловы налима в России.

Раз уж зашла речь о прозвищах пудожан, то упомянем и еще одно – балахонники. Одежду тогдашних пудожан составляли домотканые балахоны и лапти. Балахоны и вообще крестьянская одежда, как правило, была льняной. Лен в тех местах сеяли с незапамятных времен. Правда, северный климат не позволяет ему вызреть, но именно из такого недозревшего льна получают ткани самой тонкой выделки, которыми в конце

девятнадцатого века прославились пудожские мастера и на лондонской выставке... Не будем, однако, отвлекаться и забегать далеко вперед. Вернемся в начало семнадцатого века.

Смута не принесла Пудожу ничего хорошего. Олонецкий край наводнили воровские шайки, состоявшие из поляков, запорожских казаков и просто разного сброда. Двумя самыми крупными отрядами разбойников командовали польский полковник Барышполец и атаман Сидор Острожский.

В декабре шестьсот двенадцатого года воры разграбили монастырь на Муромском озере и соседний Андомский погост, от которого до Пудожы всего семьдесят верст. К счастью, дороги к Пудожу вели плохие, места здесь болотистые, но... Встревоженные крестьяне Пудожского погоста и уезда вместе со своими старостами и целовальниками отправили гонца в Каргополь к тамошнему воеводе Алексею Ивановичу Зюзину с просьбой о помощи, в которой писали «Было-де воров триста человек, а ныне-де к ним идут триста человек... и вам бы господа, нас вора́м не подати; а стать бы вместе на литовских людей и засеки, где пригоже крепить, а воров бы в поречья не пропустити...»⁶

Каргополю, который в этом же году несколько раз осаждали поляки и литовцы, было совсем не до Пудожы. Ответа каргопольского воеводы пудожане не дождались. Правда, в шестьсот тринадцатом году в эти места послали воеводу Богдана Чулкова, собравшего под свою команду местных крестьян. Отряд Чулкова сумел отбить поляков, литовцев и казаков, хотевших взять приступом Андомский погост и отогнать разбойников, которые вскоре отошли на Север, к Холмогорам. Правда, часть разбойников откололась от своих основных сил и еще три долгих года не давала покоя своими набегами пудожским и андомским деревням.

С одной стороны, документов о том, что Пудожский погост был разграблен разбойничьими шайками, не найдено, но с другой... половина деревень Пудожского погоста за время Смуты обезлюдела. Впервые на погосте появились дворы бобылей. Всего на погосте в шестьсот шестнадцатом году по данным писцовой книги проживало менее двухсот человек, включая священников и монахов. Оправиться от последствий Смуты Пудожский край смог только к середине семнадцатого века.

Тут бы и написать, что вторая половина семнадцатого века прошла в Пудожском крае тихо и спокойно. Старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу... Тем более, что рыба в Водле и в Онежском озере по-прежнему была, неводы приходили не с тиной, а с налимами, лососями и сига́ми, лен рос, холсты ткались и даже корыта... но нет. Москва стала укреплять границу со шведами, от которых настрадалась во время Смуты, и по всей Карелии начали создавать полки пашенных солдат. Пашенные солдаты были чем-то вроде пограничников, у которых в одной руке была сабля, бердыш, пистолет и пищаль, а в другой соха, борона, веялка и молотилка. Понятное дело, что при таком количестве оружия и сельскохозяйственных орудий руки у крестьян просто опускались и даже отваливались. Нужно было нести пограничную службу, если необходимо – принимать участие в военных походах против Швеции или Польши, а в промежутках между дозорами и походами успевать сеять, веять и молотить, не забывая о воспроизводстве самих себя. Дьячок Пудожского погоста Алексей Калинин, служивший писарем в одном из пашенных полков, писал в своей челобитной: «Приходилось мне писать беспрестанно во всякий день у тех солдат во всех трех ротах, а мой деревенский участок пахать некому. Обнищал я и осиротел... я человек одинокий погиб и питаться нечем»⁷.

В шестьсот шестьдесят шестом году власти смилостивились и отменили службу в пашенных полках, но... увеличили налоги. Так увеличили, что разорили крестьян, и без того разоренных службой в пашенных полках. Потом налоговое бремя немного уменьшили, потом снова увеличили... Крестьяне стали убегать. В шестьсот семьдесят восьмом году в Пудожском крае опустело более двух десятков деревень – их жители уходили в соседние и не только в соседние уезды. Наконец оставшиеся решили жаловаться. В семьдесят седьмом году уговорили пудожане крестьянина Кондратия

Прокопьева завернуть коллективную жалобу в чистую тряпицу, спрятать ее под нагольный тулуп и отправиться в Москву. Пришел он в Москву и там обнаружил таких же, как и он, ходоков из Олонецкого, Кижского, Андомского и других погостов. Собрались ходоки вместе, скинулись по копейке, а то и по гривеннику, наняли приказного, почесал он пером за ухом и написал общую жалобу ото всех погостов и эту жалобу жалоб они отнесли в Новгородский приказ. Два года ее приказные крючки рассматривали. Два года челобитчики жили в столице, работали разносчиками сбитня и горохового киселя, плотниками, укладчиками деревянных тротуаров, подавали овес и сено на лошадиных заправках, наконец просто побирались Христовым именем, пока жалобу... не признали ложной, а самих ходоков не велено было бить кнутом.

Вторая половина семнадцатого века сделала Пудожский погост, как сказали бы нынешние политические обозреватели, ареной драматических событий, связанных с раскольниками. Последние бежали в эти глухие края в надежде укрыться от всевидящего глаза и всеслышащих ушей Москвы. Раскольников было здесь так много, что в июле шестьсот девяносто третьего года их вооруженный отряд из находившейся неподалеку Рогозерской пустыни сумел захватить Пудожский погост. Нехватки в продовольствии раскольники не испытывали – хлеб им приносили жители окрестных деревень. Двадцать дней погост находился во власти раскольников. Чернец Тимошка, руководивший вооруженным отрядом, крестил всех приходящих к нему и «говорил де он, чернец, всем людям, что ныне вера худая, и четвероконечный крест называет крыжем»⁸. Чернец Тимошка речами не ограничился – он со товарищи захватил и переосвятил местный приходской храм, священников из него выгнал, избил, а дома их разграбил. Священники решили пожаловаться земскому старосте Пудожского погоста, но тот тоже ушел в раскол, и тогда они подали челобитную царям Ивану и Петру Алексеевичам. Из Олонца власти выслали отряд стрельцов под командой сотника Никиты Ижорина и подьячего Ивана Буракова для наведения порядка. Указания им были даны строгие: «...велено смотреть накрепко, чтоб церковные раскольники в лесах и в волостях не жили, а где объявятся и их велено сыскивать, и имать, и пристанища их разорять, чтоб ту их богомерзкую ересь искоренить, и впредь бы не возрастала; а животы их раскольнические, всякие, по оценке велено продавать и деньги присылать к Москве, в новгородский Приказ»⁹.

Раскольники времени даром тоже не теряли. Оружия у них было достаточно – больше ста пищалей и к ним восемь пудов пороха. Они понимали, что долго сопротивляться стрельцам не смогут, и решили отойти из Пудожского погоста к деревне Строкиной, где у них были подготовлены дома, в которых они собирались себя сжечь. Перед тем как покинуть погост, они совершили крестный ход, перекрестили своих сторонников, освятили воду в Водле, совершили в церквях богослужения по старым дониконовским правилам, забрали Евангелие и другие церковные книги, которые собирались сжечь вместе с собой.

Тем временем подоспел стрелецкий отряд из Олонца и окружил раскольников в четырех избах. Поначалу «сотник и подьячей с стрельцами и с понятиями людьми, их, воров, уговаривали, чтоб они от такой своей богомерзкой ереси перестали и принесли бы покаяние и повинование, и они де воры, повинования не принесли и говорили всякие богомерзкие слова, и на церковь Божию и на четвероконечный крест велику хулу износили...»¹⁰. От слов раскольники перешли к делу и стали стрелять в людей Никиты Ижорина, но как только стрельцы, подбежав к избам, начали прорубать стены, «оне де воры, зажглись вскоре и сгорели все без остатку, потому что де изготовлены были у них к тому пожегу всякие припасы, порох и солома и сено сухое»¹¹. Сгорело в четырех избах восемьсот совершенно живых людей.

Ни от Рогозерской пустыни, ни от деревни Строкиной теперь не осталось и следа – Рогозерская пустынь опустела еще в девятнадцатом веке и заросла бурьяном, а деревню Строкино сколько не искали – так и не нашли. Только старообрядцы в районе и остались. Правда, в очень небольшом количестве.

В восемнадцатом веке Пудож, как и все остальные физические и юридические лица нашего государства, помогал строить новую столицу империи – посылал плотников, каменотесов, кузнецов, просто мужиков для выполнения разных работ и всех, кого полагается посылать в таких случаях¹².

И еще рекрутов для непрерывно воевавшей армии и, чтобы уж два раза не вставать, всех крестьян Пудожского погоста, в числе других погостов и волостей, Петр Алексеевич в семьсот третьем году приписал к олонеким горным заводам, выполнявшими во время Северной войны военные заказы. Мало того, что приказали строить новые заводы, так еще и велели заготавливать для них дрова, возить руду и при этом успевать пахать землю, сеять, веять, молотить, платить бесчисленные налоги, пошлины, оброки и не забывать о воспроизводстве самих себя. Освободили пудожан от этой заводской кабалы только в семьсот двадцать пятом году, когда Северная война закончилась и олонекские горные заводы начали сворачивать производство.

Вот, собственно, и все о Пудожском погосте в эпоху петровских реформ. Разве только добавить, что во всем известном довоенном фильме «Петр Первый» в батальных сценах снимался Петр Макарович Анкудинов – уроженец деревни Кубовская Пудожского района¹³.

Добралась промышленность и до Пудожского края. В семьсот шестьдесят третьем году купцы Ольхины из соседней с Пудожем Вытегры построили железоделательный завод на реке Тубе в Тубозерской волости неподалеку от Пудожа. Правда, проработал он всего одиннадцать лет и разорился, но во времена своего недолгого расцвета производил до тысячи пудов железа в год.

Вообще с промышленностью на первых порах в Пудожском крае не заладилось. В восьмидесятые годы в устьях реки Водлы и Черной двумя петербургскими и одним вытегорским купцом были устроены три стекольных завода. Четвертый завод в том же месте завел губернский секретарь Захар Щербаков. Производили на этих заводах разных размеров бутылки и банки. Самые обычные – ни тебе узоров на них, ни позолоты. Готовую продукцию на судах увозили в столицу. Все четыре завода умерли уже в начале девятнадцатого века. Может, потому, что глина для печей была привозная, а может, по какой-нибудь другой причине. От заводов осталось только название поселка Стеклозное на берегу Водлы, да осколки старинных бутылок, которые время от времени находят местные жители в своих огородах.

В семьсот восемьдесят пятом году Пудожский погост по указу Екатерины Второй превратился в уездный город Пудож. И город и уезд стали по царскому указу частью Олонекского наместничества. Указ предписывал: «Из отдаленных частей Вытегорского и Каргопольского округов составить особый уезд, устроив уездным городом Пудожский погост под именем Пудож»¹⁴. Указ датирован шестнадцатым мая, а уже четвертого июля в новорожденный город приехал генерал-губернатор Архангельской и Олонекской губерний генерал-поручик Тимофей Иванович Тутолмин. Военного парада, фейерверка и бала в дворянском собрании по сему случаю предусмотрено не было за отсутствием военного гарнизона, достаточного количества дворян и дворянского собрания. Ограничились зачитыванием указа Екатерины, литургией, благодарственным молебном и крестным ходом по... теперь уже городу.

Да, городу, хоть и было в этом городе всего две улицы и ни одного каменного дома. За девять лет до объявления городом Пудожский погост сгорел практически дотла от очередного пожара, и потому все полсотни домов были новыми. «Жителей в оных до ста двадцати человек»¹⁵, – пишет олонекский гражданский губернатор Гавриил Романович Державин в своей «Поденной записке, учиненной во время обозрения губернии». (В скобках заметим, что генерал-губернатор Тутолмин, желая приукрасить положение дел во вверенных ему губерниях, количество домов в Пудоже умножил на два.) Он приехал в Пудож через три недели после визита Тутолмина и пробыл в городе целую неделю. «Город Пудож... расположен на хребте идущей полукружием горы, внизу коей лежит

прекрасный дол, пересекаемый многими глухими и прохладными разливами. По одной стороне обтекает его река Водла, текущая из Водлозера и впадающая в Онего, с прочих же окружен полянами и лугами»¹⁶. Как хорошо было бы повесить памятную доску с этим красивым описанием на дом, в котором останавливался поэт в Пудоже. Увы, здания этого не сохранилось. И вообще в городе не осталось ни одного здания восемнадцатого века. Если честно, то и зданий девятнадцатого века осталось очень мало.

Державин оставил нам довольно подробное описание Пудожа и его жителей, а также их занятий, отметив, что «главный торг граждан и поселян уезда состоит в продаже льна, оного вывозят на гальотах в Санкт-Петербург, гужем через Юшкозеро в Швецию и во все уезды Олонецкой губернии»¹⁷. Всего в год вывозилось двадцать пять тысяч пудов льна. Надо сказать, что весь пудожский лен скупали купцы соседней Вытегры, завозили его на свои фабрики, где очищали волокна от кострики – одревесневших частей стеблей. Лен помещен и на герб Пудожа «в знак того, что сей город славится льном, которым снабжаются все уезды наместничества, и отпускается за границу».

Хлеб в Пудожском уезде рос плохо, и потому его обычно в случае нехватки покупали в соседних уездах – Вытегорском и Каргопольском. Ко времени превращения Пудожского погоста в город в нем уже имелось две годовых ярмарки – Никольская и Троицкая, а к ним в придачу дюжина лавок. Внимательный гражданский губернатор не забыл ни про домашнюю скотину, ни про птицу, и теперь мы знаем, что в конце восемнадцатого века пудожане «дворовых птиц, кроме куриц, совсем не водят». Наверное, им и не нужно было водить другую, если местные охотники «из дичи стреляют диких уток и гусей, ряпчиков и тетеревов, мошников, куропаток, лебедей, журавлей и куликов»¹⁸. Что же касается самих жителей уездного города Пудожа, то они «ласковы, обходительны и довольно трудолюбивы, но, живя от правительства в отдалении, своевольны и несколько грубы к ближним начальникам»¹⁹. И такая цитата прекрасно смотрелась бы на памятной доске... Нет, такую памятную доску местное начальство вешать не позволит ни в каком случае.

Державин посетил тогда еще всюю работающий стекольный завод петербургского купца Козлова в устье Водлы и сделал запись о том, что «бутылок в год выделывают до сорока тысяч, кроме многого количества разных банок, продают на десять тысяч рублей и получают три тысячи барыша»²⁰. Интересно, у кого он узнал об этих трех тысячах барыша... Небось, с управляющим беседовал. Быть не может, чтобы тот не преуменьшил цифру. Вообще же, по данным Державина, Пудожский уезд продавал своих товаров, включая лен, тес, стеклянную посуду и рыбу на двадцать тысяч рублей. Что касается леса, то его вырубали в основном для нужд флота, и занималось этим государство. Кстати, о рыбе. Ее продолжали ловить. В Водле и других местных реках ее было так много, что «лов был весьма успешный лососей, сигов, лещей, щук, налимов, судаков и прочей рыбы; ловля производилась большими мордами (мережами), и в сутки вылавливали до 500 сигов, иногда до 30 пуд лососей»²¹. Правда, Державин замечает, что такие уловы остались в прошлом, поскольку власти запретили перегораживать реки сетями.

Пудож недолго успел побыть уездным городом Олонецкого наместничества – буквально через год он был преобразован в посад и включен в состав Онежского уезда Архангельской губернии, через три года его восстановили в статусе заштатного города и включили в состав Новгородской губернии, а еще через два года вновь вошел в состав восстановленной Олонецкой губернии. Наконец в октябре восьмьсот второго года специальным указом было подтверждено возвращение уездного статуса Пудожа. Воображаю, сколько испорченной гербовой бумаги было выброшено в печки или употреблено на разного рода хозяйственные нужды пудожскими чиновниками из уездной канцелярии, окружного суда или дворянской опеки. Что же касается остальных пудожан, то, поскольку они жили от правительства в отдалении, то продолжали как ни в чем не бывало своевольничать, грубить местному начальству, разводить кур, стрелять рябчиков, тетеревов, диких уток, куликов и ловить мережами сигов, судаков и лососей.

Екатерина Вторая подарила жителям новоиспеченного города еще одну привилегию. Через год, после указа о превращении Пудожского погоста в уездный Пудож вышел еще один указ «О дозволении жителям городов Пудожа, Лодейного поля и Кеми записываться в купечество и мещанство». По этому указу в городские сословия можно было записываться тем, кто жил в черте города и не более чем в двухверстном расстоянии от этой черты. Деревни в этих местах были маленькие, и потому в двухверстную черту вокруг города их попала целая дюжина. В дальнейшем они и стали городскими районами. В случае Пудожа, конечно, уместнее говорить о микрорайонах. Первым городничим губернские власти назначили секунд-майора Петра Спадаренкова. Тогда какого городничего ни возьми – почти все были секунд-майорами. Подчинялся городничий губернатору. Город стали отстраивать по-новому, теперь уже городскому плану, утвержденному Екатериной Второй. В семьсот восемьдесят шестом году в Пудоже появилось первое каменное здание, выстроенное для казначейства. Все остальное оставалось деревянным – и здание присутственных мест, и казенные соляные и винные магазины. Появилась почтовая контора. Устроили за городской чертой новое кладбище, и при кладбище со временем построили церковь. Избрали городскую Думу, в которой, кроме городского головы, было всего два гласных – один от купеческого сословия, а второй от мещанского. Наметили построить каменный собор, но средства... Вообще весь город был, мягко говоря, небольшим – три с половиной квадратных километра. За городом закрепили большой выгон, поскольку город городом, а коров, овец и коз у горожан никто не отменял. Деревню из Пудожа, кажется, и до сих пор не вывели – коровы по улицам ходят... Впрочем, до нынешних коров мы еще доберемся.

Через два года после того, как Пудож стал городом, в нем, по официальным данным, проживало девятьсот шесть человек обоего пола. Появились в городе и первые купцы. В купеческое сословие записалось шестьдесят с лишним человек. Три с половиной десятка лиц духовного сословия, одиннадцать разночинцев, чертова дюжина государственных крестьян, сто с лишним человек «временно проживающих при разных должностях»²², но более всего было мещан.

Кстати, о мещанах. В семьсот девяносто седьмом году в Пудоже при невозможности возратить долг кредитор имел право заставить должника отрабатывать его. Сколько нужно для возвращения долга – столько и отрабатывать. Пудожский мещанин Иван Баканин «по разным несчастным случаям впал в неоплатные долги сумма которых простиралась до десяти тысяч трехсот рублей»²³. Один из баканинских кредиторов согласился взять его на отработку с условием каждый год списывать с общей суммы долга двадцать четыре рубля. Иски о взыскании этих долгов были предъявлены в городской магистрат, а тот определил: «как векселедавец мещанин Баканин, по несостоянию своему, впал в неоплатный долг, которого заплатить у себя наличной суммы денег и имущества не имеет, а для того учинить с ним следующее: на основании Высочайшего 19 июля 1736 года указа, отдать его, векселедавца Баканина... кредитору Ерофееву... на сорок тридцать лет и десять с половиной месяцев в работу, с тем, чтобы он выжил у него те годы и с работы его не отлучался и не бежал; а если же убежит, то отдан будет, как вышеописанной закон повелевает без зачету в каторжную работу...»²⁴. Такое долговое рабство называлось «в зажив головою». Кабы мещанин Баканин не отдал Богу душу через два года, то и сейчас продолжал бы отрабатывать свои долги. Уже больше половины и отработал бы.

Война с французами Пудож стороной не обошла. Хоть и был он далеко от театра боевых действий, пудожане в боевых действиях против Бонапарта принять участие успели. В уезде в двенадцатом году было проведено два рекрутских набора. Один еще до войны, в апреле, когда брали по два человека с пятисот ревизских душ, а второй – в разгар боевых действий, в июле, когда брали уже по два человека со ста душ²⁵.

Уже поздней осенью двенадцатого года в Пудоже появились первые пленные французы. Было их всего девять человек – два капитана и семь нижних чинов, включая

рядовых. С одним из этих нижних чинов приехала жена, родившая спустя некоторое время дочь, которую местный батюшка окрестил Дарьей. Разместили их по домам пудожан, и жили они на пособие, выдаваемое казной. Вернее, с трудом выживали. Рядовым выдавали по пяти копеек ассигнациями в сутки на продовольствие, а офицеры получали больше. Чтобы с голоду не опухнуть, французы плели на продажу кольца из волос, которые тогда были в моде, и изящные корзиночки из соломы, красили заборы и дома. «Кого они в особенности бранили, так это Наполеона, за то, что завел их в такую негостеприимную страну, и казаков, которые колотили их немилосердно, никому не давая прощенья»²⁶. В марте четырнадцатого года, как раз тогда, когда союзные войска брали Париж, в Пудож прислали еще три десятка французских военнопленных, но уже через месяц, после заключения Парижского мирного договора, их всех отправили домой, во Францию.

В память о победе или, как тогда говорили, в память об избавлении России от нашествия Наполеона, пудожане к восьмьсот двадцатому году выстроили каменный Троицкий храм на месте одноименной старой деревянной церкви на высоком берегу Водлы. В восьмьсот девяностом его на средства купца первой гильдии Базегского расширили, пристроили колокольню и огородили чугунной решеткой на каменном фундаменте. Храм и украшал город до начала сороковых годов прошлого века, пока в него не попала финская авиабомба. После войны его на кирпичи разобрали немецкие военнопленные, и теперь на месте храма стоит крест.

Если судить по Памятным книжкам Олонецкой губернии, то жизнь в Пудоже девятнадцатого века протекала тихо и сонно. Обыватели пасли своих коров и овец, крестьяне выращивали лен с капустой и горохом, а купцы торговали. Чем торговали в восемнадцатом веке – тем и продолжали в девятнадцатом. Вот разве что в восьмьсот двадцать шестом году на Онежском озере власти завели два парохода для перевозки корабельных листовниц из уезда в столицу. Город жил скромно – доходная часть бюджета в сорок третьем году составляла всего полторы тысячи рублей. На эти деньги тогда можно было купить три десятка коров средней упитанности. Не много, что и говорить.

В Памятной книжке Олонецкой губернии за 1858 год в разделе «Купцы и замечательнейшие промышленники Олонецкой губернии» среди купцов, производящих торговлю в городе, указаны только четыре купца третьей гильдии: Василий Малокрошечный, Иван Малокрошечный, Иван Плоскирев и Александр Гардин, а в уезде и вовсе указан всего один льнопромышленник Иван Малокрошечный, про которого сказано, что он имеет собственный завод по обработке льна, отправляемого в значительном количестве в Петербург для заграничного отпуска.

Пудожское купечество к середине века сильно поредело. От шестидесяти с лишним пудожан, записавшихся в купеческое сословие при основании города, не осталось и следа. Девятнадцатый век был вместе и серебряным и золотым веком пудожского льна. В тридцать девятом местный лен был отмечен большой серебряной медалью на российской выставке естественных произведений в Петербурге, через пять лет золотой медалью на московской мануфактурной выставке, еще через шесть лет почетным дипломом и премией на всемирной выставке в Лондоне, а в шестидесятом году серебряной медалью Вольного экономического общества на сельскохозяйственной и промышленной выставке в Петербурге, и через два года золотой медалью на всемирной выставке в Лондоне. Весь пудожский лен держал в своих руках Иван Иванович Малокрошечный. Он сумел оттеснить скупщиков из Онеги и Каргополя и стал практически монопольно поставлять пудожский лен в столицу и за границу. Иван Иванович был не только пудожским промышленным и финансовым воротилой, но и меценатом. Он пожертвовал пять тысяч рублей Петрозаводскому Мариинскому училищу, чтобы на проценты с этого капитала каждый год выплачивались десять стипендий дочерям беднейших граждан Олонецкой губернии. Для Пудожа это было особенно важно, поскольку гимназии в нем так и не

появилось. Иван Иванович в шестьдесят седьмом году построил в Пудоже богадельню, где на проценты с капитала в тридцать тысяч рублей содержались тридцать одиноких стариков и старух. Между прочим, дом, в котором размещалась богадельня, сохранился и сейчас в нем живут люди. Правда, не совершенно одинокие старики и старухи на содержании у местного купечества, а обычные люди разных возрастов и разной степени одиночества на содержании у самих себя.

Продолжали ловить рыбу. Из устья Водлы на рынки Петербурга ее доставляли поначалу в живорыбных парусных судах, а потом и на пароходах. В больших количествах ее вылавливали в Водлозере и везли зимой свежемороженую и соленую на каргопольские ярмарки. Мелкую рыбешку – ершей, карасей, окуней, ряпушку и корюшку сушили в печках, и это рыбное ассорти под общим названием «сушик» пользовалось большим спросом у населения, не имеющего возможности покупать свежую лососину. Добирался сушик даже до Вельега в Ярославской губернии.

Читатель может подумать, что в Пудоже мало что менялось с течением времени: как выращивали лен – так и продолжали выращивать, как рубили лес – так и продолжали рубить, как ловили рыбу – так и... Нет, прогресс все же был. Помните первого пудожского городничего в чине секунд-майора Петра Спадаровского? Так вот, в восемьсот шестидесятом году городничим в Пудоже был уже подполковник – Николай Петрович Тарабаровский. Ну, а должность городского головы занимал, конечно, купец третьей гильдии Иван Иванович Малокрошечный. К тому времени в Пудоже уже работали два врача – один на город и второй тоже один, но на весь уезд, имелось приходское училище, и почта приходила по средам, а отправлялась по субботам. Вот только сам Пудож оставался маленьким – в середине девятнадцатого столетия проживало в нем чуть больше тысячи душ обоих полов.

О том, что не менялось и, наверное, никогда не изменится, в восемьсот шестьдесят девятом году анонимный корреспондент Олонецких губернских ведомостей сообщал из Пудожа: «В настоящее время исправлены в городе три моста, т. е. сделаны новые к ним перила и настланы новые доски. Работа эта была отдана управою с торгов за 153 руб. сер., хотя, по нашему мнению, таковую можно было бы исполнить и за половину этой суммы, тем более, что два из этих мостиков весьма малого размера, при том же в перила между новыми попали и старые изгнившие бревна; но так как подрядчики на эти работы были тоже члены земского общества, то, собственно говоря, здесь еще для земства вообще не произошло большого ущерба, только деньги общие земские перешли, так-сказать, в частные карманы нескольких членов земства (подрядчиков), сделавших эти исправления».

Он же прибавлял: «Достать для прочтения какую-нибудь газету в Пудоже чрезвычайно трудно; только один купец, выписывающий “Биржевые Ведомости”, отдает эту газету желающим с платою по 40 к. сер. в месяц, да и то с условием, чтобы взявший ни кому другому не давал ее читать. Таким образом живущим здесь весьма трудно знать, что делается на белом свете, да едва ли многие этим и интересуются»²⁷.

Вообще с культурной жизнью в Пудоже дела обстояли неважно. Еще один корреспондент Олонецких губернских ведомостей писал: «Скучна и однообразна жизнь нашего уездного городка, в особенности зимнею порою... С каким зато нетерпением ждут здесь губернских известий: и только в день прихода почты видно какое-то лихорадочное движение чиновничьего мира. Общественных увеселений и собраний здесь не бывает, библиотеки не существовало и нет людей, имеющих хотя бы современные периодические издания и потому литературные занятия ограничиваются чтением “Северной почты”. Вот почти и все, что можно сказать о Пудоже... Река Водла вскрылась в конце апреля и теперь появилась лосось, сига и другая рыба. Лосось преимущественно идет в руки известного здесь купца И. И. Малокрошечного, который сбывает ее в Петербург; цена этой рыбы от 8 до 10 коп. за фунт»²⁸.

Корреспонденту Олонецких губернских ведомостей вторит священник Троицкой церкви в Пудоже Иоанн Георгиевский, собравший сведения о городе и его обитателях по

заданию губернского статистического комитета: «Пудож нося на себе название города, к несчастью, мало чем отличается от простых селений в быту домашнем. И кажется, что самые селения некоторых других краев России предпочли бы свой домашний быт – Пудожскому. В нем почти у всех жителей бедность, жалкая простота, отсутствие вкуса и образованности есть главная черта жизни. И потому во всем город едва можно отыскать до десятка порядочных и то деревянных домов...»

Сами пудожане вышли у Георгиевского и вовсе... «Народ как города Пудожа так и окружающих селений происходя от невежественных и грубых предков и будучи привержен к оседлой жизни, стоит можно сказать на низкой степени образования... К счастью, здешний народ не лишен добродушия. У него можно всегда встретить гостеприимство; но и это добродушие не без недостатка; Будучи груб он как бы неохотно решается отдавать должное почтение высшим себя. При встрече с высшим себя мужичок, как можно видеть почти всегда, как будто с каким-то принуждением снимает свою шапку без всякого поклона...»²⁹

То ли не любили батюшку прихожане, то ли при встрече с ним не снимали шапки без напоминания, то ли мало жертвовали на храм, то ли не приносили ему на престольные праздники яиц в решете, сметаны и свежесловленных судаков... Хорошо, что его отчет пропал где-то в недрах губернского статистического комитета. Не приведи Господь, его прочли бы прихожане Троицкой церкви. Особенно те, у которых не было ни образованности, ни вкуса, ни почтения к высшим.

Если честно, то насчет бедности и жалкой простоты Георгиевский был не так уж и неправ. В Пудоже к концу шестидесятых годов был всего один каменный дом и одна каменная лавка. Каменный дом был казенным. Все остальные две сотни домов были деревянными. Все пять площадей были немощеные. Об улицах и говорить нечего. Недвижимостью стоимостью от пятисот до тысячи рублей владели в городе ровно два человека, а свыше тысячи – один. И этот один был... Иван Иванович Малокрошечный. В городе было девятнадцать лавок и один оптовый винный склад. Других торговых заведений не имелось. Памятная книжка Олонекской губернии за 1868-1869 гг. сообщает: «Торговля собственно в городе, производимая лишь предметами для городских потребностей, ничтожна. Ею занимаются четыре купца и два крестьянина. Товары привозятся из С.-Петербурга, Москвы, Вытегры и Весьегонска и сбываются как в городе, так и в уезде»³⁰.

Существовала еще и городская Троицкая ярмарка. Именно существовала, еле сводя концы с концами. В восемьдесят восьмом году на ней было всего шесть торговцев, из них три пудожанина. Привезено было на три тысячи рублей товару. Продали четыре пуда кренделей, два пуда сигов, пуд судаков, десять пудов разной мелкой рыбы, разного шорного товару, холста, конфект, пряников, мыла, свечей, колониальных товаров, масла коровьего, кушаков домашнего тканья... В общей сложности едва на полторы тысячи. Действительно, ничтожная торговля³¹.

Несмотря на то, что жители Пудожа считались горожанами, основными их занятиями все же было хлебопашество и выращивание льна. Делали они это на арендованных у города землях. Ремесленников было очень мало – на весь город два кузнеца, четыре сапожника, шесть портных, два маляра, четыре мясника, два столяра... Фабрик и заводов в городе не было никаких. Даже каких-нибудь микроскопических салотопен, красилен или маслбоек, на которых работало бы по полтора рабочих, не было. При этом на заработки никто никуда не уезжал. Как могли добывали себе пропитание дома. Правда, в двадцати верстах от города работала льнотрепальная фабрика Малокрошечного. Работало там сезонно до двух с половиной сотен крестьянок из близлежащих волостей. Тем крестьянам, которым зимой не хватало хлеба, Малокрошечный давал в долг, а осенью они отдавали ему этот долг льном. Бывало вырастет у крестьянина лен, а он уже и не его, а... Иван Иванович и в городе торговал хлебом. Он же скупал у местных рыбаков до тысячи пудов лососей и сигов, которых

отправлял в Петербург и Весьегонск. Малокрошечный еще и одним из первых, начиная с тридцатых годов, стал разводить картофель в уезде.

Я бы с удовольствием описал культурную жизнь города – любительские спектакли, музыкальные вечера, в которых принимали бы участие местные врачи, преподаватели гимназии, жены городничего и предводителя уездного дворянства, но... какие спектакли и музыкальные вечера, если преподавателей гимназии не было по причине отсутствия самой гимназии, а вместо нее было приходское училище, врач в городе был всего один, а уездному было не с руки приезжать на репетиции, жена городничего... может, в доме городничего и рояля никакого не было, а была только балалайка у дворника, на которой он брэнчал все вечера, сидя на завалинке перед домом, чем доводил городничиху до истерик и мигреней.

Кстати, о приходском училище. Не любили в него родители отдавать детей вовсе не потому, что после него было сложно поступить в Московский университет или хотя бы в Петрозаводское ремесленное училище, а просто не видели никакого смысла в образовании. Отдавали только затем, чтобы научить азам грамоты и арифметики и немедля забрать, как только чадо этому научится. Справедливости ради надо сказать, что тогда не в одном Пудоже так относились к образованию.

Во второй половине девятнадцатого века в уезде стала развиваться лесопромышленность. Первыми крупными лесопромышленниками были в уезде были англичане. Они купили право на заготовку леса и каждый год, начиная с шестидесяти третьего, вывозили по тридцать тысяч бревен к себе в Англию или продавали в Европе. Вот такая у них была лесопромышленность. ~~У нас она и сейчас такая же, только вместо англичан китайцы.~~ Вслед за англичанами подтянулись и наши лесопромышленники из Петербурга. Вслед за столичными стали валить лес и пудожские купцы. Вернее, это были разбогатевшие крестьяне. Они работали как англичане – рубили и вывозили лес на продажу, а вот петербургский купец Русанов в семидесятом году уже построил первый двухрамный лесопильный завод в уезде. В общем, ничего особенного – просто завод, на котором работают две пилорамы, приводимые в движение паровыми двигателями, но это уже не просто вырубка, а обработка, пусть и простейшая. По тем временам и распил бревен вдоль, а не поперек был большим шагом вперед, а то и двумя. На этом заводе ежегодно распиливалось до сорока тысяч бревен. Через одиннадцать лет еще один петербургский купец строит еще один, но уже трехрамный завод вблизи русановского. К девятьсот двенадцатому год общий объем заготавливаемого леса в уезде достигал почти четверти миллиона кубометров. Сезонно на лесозаготовках и на лесосплаве было занято до четырех тысяч рабочих. И это было очень кстати, поскольку после крестьянской реформы разведение льна в уезде стало понемногу сходить на нет. До реформы крестьяне в казенных лесах занимались подсечным земледелием, поскольку и лесов было много, и сами крестьяне тоже были казенными. После реформы, которая добралась в эти края только в шестидесяти шестом году, им запретили делать расчистки, то есть сводить лес, а заодно и все расчищенные пашни, и сенокосы конфисковали. Конечно, каждому хозяйству выдали почти по семь десятков десятин земли, но пригодной для использования в этих семи десятках была едва ли седьмая часть. Олонецкая губерния не Тамбовская – тут почвы каменистые и болотистые. Мхи и лишайники растут хорошо, а рожь плохо. Обычно крестьянам своего урожая ржи хватало на полгода или на семь месяцев, не больше. Мало того, их за выданную землю заставили еще и платить. Вот тут-то льноводство и стало умирать. В девятьсот седьмом пудожский купец первой гильдии Николай Александрович Базегский закрыл льнотрепальную фабрику неподалеку от Пудожа и прекратил скупку и поставку льна в Петербург³². Базегский был внуком Ивана Малокрошечного. Его отец, Александр Петрович, женился на дочери Ивана Ивановича и переехал из соседней Вытегры в Пудож. С того дня как переехал и до самой смерти называли его пудожане «вытегорским зятем». Зять кроме того, что унаследовал малокрошечную империю своего тестя и занимался скупкой, переработкой и сбытом льна, стал торговать бакалеей, хлебом

и мануфактурой. Для города и уезда Александр Петрович сделал очень много – передал в дар для уездной земской больницы дом с приусадебным участком, делал крупные денежные пожертвования малоимущим Пудожского уезда, дал денег на реконструкцию Троицкой церкви, на его средства был благоустроен Муромский монастырь, он участвовал в содержании бесплатной столовой в Петрозаводске. Одних золотых медалей «За усердие» у него было семь, да еще и орден Св. Анны третьей степени. Александр Петрович много раз избирался гласным уездного земства и Пудожской городской думы, состоял попечителем самых разных благотворительных обществ, принимал участие в похоронах Александра Третьего в составе делегации Олонецкой губернии... Его сын – Николай Александрович Базегский, тоже купец первой гильдии, но уже обладатель миллионного состояния и единственный в Олонецкой губернии купец первой гильдии местного происхождения, тоже потомственный почетный гражданин, тоже гласный Пудожской городской Думы, председатель совета богадельни купцов Малокрошечных, член-соревнователь попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, действительный член Олонецкого управления Российского общества Красного Креста, почетный член губернского попечительства детских приютов, член уездного комитета попечительства о народной трезвости, кавалер орденов Св. Анны второй и третьей степеней за строительство храма Александра Невского³³, Св. Станислава второй степени, Св. Владимира четвертой степени... В восемнадцатом году дом Базегского реквизировала Советская власть, чтобы отдать его под детский дом. В этом же году Николай Александрович умер от водянки. Теперь на доме висит памятная табличка, на которой написано, что «В феврале 1918 года Советским правительством в ответ на просьбу Пудожского уездного совета по предложению Владимира Ильича Ленина были выделены денежные средства на содержание Пудожского детского дома». Буквы на табличке прочесть можно с трудом – краска вся облупилась, да и сам дом давно запущен, а ступеньки крыльца поросли кустами и даже деревьями. Местный краеведческий музей хотел бы переехать в него из аварийного здания земской управы, в котором он теперь находится, но на ремонт двухэтажного особняка нужны десятки миллионов, а весь бюджет нищего Пудожа...

Не будем забегать вперед. Вернемся в те времена, когда дом Базегских был так хорош, что в нем останавливался Великий князь Владимир Александрович, когда путешествовал по Олонецкой губернии в восемьсот восемьдесят пятом году. Кстати, о путешествиях. Через два года проезжал по этим местам один из основателей российской этнографии Николай Николаевич Харузин вместе с сестрой Верой Николаевной. О Пудоже она написала в своей книге «На Севере. Путевые заметки»: «Масса серых домиков совершенно однообразной постройки, напоминающих собою деревенские избы, вместе со скромным собором, уютятся на краю крутого обрыва, спускающегося к реке Водле. Вперемежку с домами идут огороженные пашни, засеянные овсом и рожью, реже огороды, принадлежащие обывателям. По прямым линиям пересекают друг друга узкие улицы, почти что сплошь заросшие травой. На улицах непробудный покой; на них мирно пасутся овцы, лениво переходя с одного места на другое; да ребятишки кое-где собираются около луж и со звонким смехом загорелыми ножками месят жидкую грязь. Спит весь город, спит с утра до вечера и с вечера до утра. В окнах, уставленных горшками с диким перцем, бобами и фуксией, редко покажется чье-нибудь лицо». Харузина пишет, что для развлечения обывателей есть библиотека и клуб. В клубе «мужчины играют в карты, а барышни танцуют под звуки гармони. Барышни скучают смертельно и жаждут прибытия какого-нибудь нового кавалера»³⁴.

По количеству умерших от скуки мух Пудож занимал первое место в Олонецкой губернии, равно как и по количеству дворов, сгоревших от одного пожара³⁵. В жизни маленького уездного городка все может быть событием. Столичные оперные певцы туда не приезжают и концертов не дают, вернисажей художники не устраивают, театров нет, и потому событием могут стать даже проводы новобранцев. Олонецкие губернные

ведомости в декабре восемьсот семьдесят восьмого года сообщали, что из Пудожа в конце ноября выступили две партии новобранцев – каждую сопровождали по два конвойных. Перед выступлением партий в казармах отслужили напутственный молебен, новобранцев угостили водкой и булками, а в дорогу дали чай и сахар. До первой станции повезли их на подводах, которые дали жители города³⁶.

Или церковный староста Почезерского прихода Пучежского уезда Иван Николаев Краснов второй раз собрался поклониться в Иерусалим Гробу Господню и тамошним святыням. В первый раз, в восемьдесят пятом году, он туда ездил сам, а теперь с женой – Вассой Алексеевой Красновой³⁷. Как представишь, сколько они привезут оттуда рассказов, крестиков, образков, свечек, фиников, как начнут дарить родственникам образки и крестики, а детишкам дадут по финику, как потом косточки от них посадят в огородах, как Иван станет обстоятельно рассказывать, как Васса раскроет рот, чтобы перебить его и сказать, что все было совсем по-другому, как быстро закроет его, взглянув на мужа...

Кстати, о театрах, которых в Пудоже не было. Олонецкие губернские ведомости писали, что второго мая девяностого года в здании Пудожского общественного собрания любителями был дан спектакль, на котором сыграны: «Через край», комедия в трех действиях, сочинение В. Тихонова, и «Помолвка в галерной гавани», картина петербургской жизни в одном действии, сочинение Щигрова³⁸. Представляете, как они приходили заранее, раздевались, стаскивали галоши и сапоги с налипшими комьями грязи, как дамы переобувались, как пахло фиксатуаром для усов, как грели озябшие руки у печки, как играли картину из жизни Петербурга, до которого от Пудожа пятьдесят или даже сто световых лет...

Между прочим, Харузина в своих заметках о Пудоже пишет, что в Пудожском уезде аборигены так полюбили кофе, «что некоторые бедные семьи ходят под окнами, собирают подавание и, собрав копеек шестьдесят или восемьдесят, удовлетворяют прежде всего свои потребности в кофе. Некоторые даже просто просят: Подайте ради Христа на кофе...». Значит все же не сто световых лет, а не более пятидесяти.

Вообще не хотелось бы, чтобы у читателя создалось впечатление, что Пудож был медвежьим углом³⁹. В конце восьмидесятых годов девятнадцатого века в смете городских стали предусматривать расходы на подписку газет и журналов, на содержание телефона, на керосиновое освещение. Если раньше власти оплачивали квартиру повивальной бабке, то теперь вместо нее была акушерка с медицинским образованием. В самом начале двадцатого века в Пудоже появился общественный сад, на содержание которого отпускалось тридцать рублей в год. Тогда же в Пудоже заработала первая частная телефонная сеть, в которой было полтора десятка абонентов. К началу первой мировой войны количество абонентов выросло в полтора раза. Телефоны стояли в аптеке, больнице, в домах уездного исправника, начальника пожарной дружины, у председателя земской управы и, конечно, у Николая Александровича Базегского. Даже в уезде имелось шесть переговорных абонентских пунктов. В девятьсот третьем были напечатаны первые копеечные марки Пудожской земской почты. К в двенадцатому году почта приходила уже целых четыре раза в неделю. В городе было три училища (высшее начальное, приходское одноклассное и приходское двухклассное), общество потребителей, меблированные комнаты при чайной общества трезвости, три страховых общества, общество правильной охоты... ~~Правильные охотники провели одно заседание и больше никогда не собирались.~~ Правда, в соседней Вытегре уже работали городской общественный банк, ломбард и образовалось общество любителей музыкального искусства, а в Каргополе и вовсе образовалось общество распространения культуры и потребления овощей среди населения Олонецкой губернии, зато в Пудоже в шестнадцатом году появилась городская фотография Петра Федоровича Пахомова. Правилами, которыми должен был руководствоваться владелец этого фотоателье, запрещалось фотографировать «лица,

пересылаемые под стражей или надзором». Их нельзя было даже пускать внутрь заведения⁴⁰.

Что касается ссыльных, то их в Пудоже было более чем достаточно. Первыми ссыльными, как и во многих провинциальных городках северных губерний, были поляки, которых сюда ссылали при Николае Первом в тридцатых годах после подавления польского восстания. В скобках заметим, что в Олонецкую губернию ссылали тех, чья вина не была очень серьезной. Тех, чья вина была серьезной, ждала каторга или ссылка в сибирские губернии. Вера Николаевна Харузина пишет в своих записках: «Было время, когда Пудож был почти буквально наводнен ссыльными поляками. Между ними было много людей состоятельных; жизнь они вели на широкую ногу, устраивали балы и концерты. Городу жилось весело с этими невольными гостями». ~~Не ссыльные, а какой-то гусарский полк, ей богу.~~

Мало-помалу почти все поляки разъехались – у кого-то истек срок ссылки, а кто-то попал под амнистию, объявленную перед коронацией Александра Второго. В шестидесятых годах ссыльных в Олонецкой губернии снова прибавилось – только в Пудоже их было пять человек. Снова приехали поляки, но уже те, кого сослали после восстания в шестьдесят третьем году. В семидесятые появились народники. Эти балов и концертов не устраивали. Им от государства полагалось пособие от двух до шести рублей в месяц. На эти деньги умереть с голоду легко, а вот выжить очень трудно. В Пудоже работы не было практически никакой – своих рабочих рук было в избытке. Оставались лесопилки, но работа там была тяжелой, опасной и к тому же сезонной. Подрядиться кому-нибудь наколоть дров за рубль или полтора считалось большой удачей. К лету семьдесят девятого года в Пудоже уже проживала целая колония ссыльных – двадцать шесть человек, среди которых были три католических ксендза и пять столичных рабочих, сосланных «за распространение преступной пропаганды среди рабочих».

Как раз в это самое время вышел приказ министра внутренних дел, запрещающий ссыльным отлучаться за черту города. Одна из ссыльных – Эвелина Улановская уговорила с двумя подругами в знак протеста против этого приказа устроить загородную прогулку. Сели они в лодку и поплыли по Водле за грибами. Как только они набрали грибов, их арестовала инвалидная команда, посланная за беглянками уездным исправником. То есть сначала произошло сражение между тремя отважными революционерками и инвалидной командой – девушки забросали служителей правопорядка собранными грибами (времена были настолько вегетарианскими, что в полицию бросались грибами), а уж потом их арестовали, посадили в лодку и вернули в Пудож. В городе их приключения не кончились – группа ссыльных попыталась отбить их у инвалидной команды. Тогда вызвали солдат, и девушек вместе с частью их освободителей снова арестовали. Кончилось все для ссыльных не так весело, как начиналось – Эвелина Улановская уехала в новую ссылку в Вятскую губернию, один из освобождавших девушек ссыльных поехал в Архангельскую губернию, а другой в Восточную Сибирь. Всю эту историю сами ссыльные стали называть грибным бунтом. И еще. Улановская вела обширную переписку с писателем Короленко и стала прототипом ссыльной Морозовой в его очерке «Чудная». Современному читателю это ни о чем не говорит, поскольку он, скорее всего, не читал этого очерка, да и самого писателя Короленко вряд ли вспомнит, но... Пудож не столица и даже не Петрозаводск – сюда не ссылали ни прототипов Анны Карениной, ни Андрея Болконского, ни даже прототипов Каштанки.

Одно время в Пудоже образовался даже народнический кружок, которым руководил Павел Князевский, сосланный после грибного бунта в Архангельскую губернию. На смену народникам в начале двадцатого века пришли (вернее, их прислали) ссыльные социал-демократы, организовавшие в девятьсот третьем году в Пудоже свой кружок. Эти чтением запрещенных стихов Некрасова не ограничивались, и стали куда активнее народников привлекать местное население к своей работе. Членами кружка были

и учителя, и местные служащие, и портной. Был у них свой человек в уездной больнице – фельдшер Тушовская, которая, вместе с еще одним членом кружка, читала выздоравливающим крестьянам нелегальную литературу и вела разговоры с ними на политические темы. Один из крестьян так наслушался большевистских прокламаций и разговоров, что по выходу из больницы стал вести антирелигиозную пропаганду и распространять нелегальную литературу, которой его предусмотрительно снабдили в больнице агитаторы. Другой крестьянин стал говорить... Через год кружок власти ликвидировали и еще через год... прислали в Пудож новую партию ссыльных, которые устроили в Пудоже первую политическую демонстрацию – в конце января девятьсот пятого года девять ссыльных вместе с женами надели на рукава траурные повязки с красной каймой в память о жертвах расстрела Девятого января, построились парами и прошли по главной улице от полицейского управления до Троицкой церкви. Полиция сорвала с трех демонстрантов траурные повязки, а одного из них арестовала. Возмущенные действиями полиции ссыльные на следующий день заявили с протестом к уездному исправнику. Они не просто пришли к исправнику – у каждого на рукаве была красная траурная повязка. Исправник рвал и метал – требовал прекратить ношение повязок, грозился лишить ссыльных выдаваемого казенного пособия и разослать их по самым глухим деревням Пудожского уезда. Через четыре дня начальник олонекского губернского жандармского управления полковник Шафалович доносил в департамент полиции, что несмотря на принятые меры ссыльные траур не сняли. Как подумаешь... как сравнишь девятьсот пятый год, к примеру, с девятьсот шестьдесят вторым ~~или с две тысячи девятнадцатым~~. О демонстрации в Пудоже в марте того же года писала большевистская газета «Вперед», издаваемая в Женеве.

И еще. Уже в шестидесятых годах двадцатого века в Пудожский музей принесли доску от обычного комода, которую ссыльные исписали словами из революционных песен: «Трудно, трудно нам живется на Руси родной. Каждый шаг нам достается кровью и борьбой» или «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...».

Надо сказать, что в Пудожский уезд ссылали не только пламенных революционеров. В девятьсот двенадцатом году в Муромский монастырь неподалеку от Пудожа сослали по решению Синода иеромонаха одного из Бессарабских монастырей Иннокентия, в миру Ивана Левизора. В отличие от большевиков он проповедовал не царство свободы, а близкий конец света. Иннокентий основал многочисленную секту, объявил себя «воплощением святого духа», призывал своих сторонников продавать имущество, а деньги... Короче говоря, делал все, чтобы отправиться в ссылку и, наконец, отправился. Последователи Ивана Левизора оказались людьми решительными. Собрались они в количестве восьмисот человек, включая стариков, женщин и детей, по призыву своего пророка и отправились в Муромский монастырь его вызволять. В декабре отправились, а к концу января уже вызволили. Большую часть пути они все же проехали по железной дороге, но от станции Няндомы Вологодско-Архангельской железной дороги им пришлось идти пешком. В декабре. Жителям Бессарабии, плохо понимающим русский язык. С женщинами, стариками и детьми. По Олонекской губернии. Они, правда, по пути пели молитвы и несли портреты Иннокентия, но от голода и холода молитвы и портреты спасали плохо. Уже на обратном пути под Пудожем Ивана Левизора арестовали снова и под конвоем отправили в Петрозаводскую тюрьму, а его горе-освободители пошли через Каргополь на станцию Няндомы, чтобы оттуда возвращаться домой по железной дороге. В Каргополе им оказали срочную медицинскую помощь, поскольку сотни человек обморозились, двадцать детей и вовсе умерли от голода и холода, еще полсотни человек тяжело заболели. Через двадцать лет все эти события описал в своем романе «Голгофа» украинский писатель Лесь Гомин. Правду говоря, он вместе со своим романом забыт еще прочнее, чем Короленко со своим очерком.

Вернемся к революционным беспорядкам. В девятьсот пятом начались волнения в уезде – крестьяне в Красновской области отказались платить земские сборы, требовали

увеличения земельных наделов и бесплатной раздачи семян для посева из государственного хлебозапасного магазина. В июне девятьсот седьмого года забастовали две сотни крестьян-сезонников на лесопилках по реке Водле. Своего они добились – зарплату им повысили. В девятьсот тринадцатом в забастовке на лесопильных заводах принимало участие уже в пять раз больше крестьян.

Потом началась война, играл духовой оркестр, провожая на фронт солдат, потом они начали приходить с фронта и митинговать, потом февраль семнадцатого, потом октябрь, потом... Чуть не забыл. Золотого века в Пудоже так и не случилось. Назвать золотым или даже позолоченным веком телефонную сеть на несколько десятков номеров, чайную общества трезвости, несколько лесопильных заводов, пожарную команду, клуб охотников, приходское и начальное училища, несколько каменных лавок, одного купца первой гильдии и его двухэтажный каменный дом язык не поворачивается.

Советская власть в Пудоже была установлена к концу января восемнадцатого года. Приехал из Петрозаводска уполномоченный ВЦИК Матвей Тимонен, собрал жителей города и окрестных деревень и рассказал о том, что произошло в Петрограде два с лишним месяца назад, о светлом будущем без попов⁴¹ и капиталистов и обо всем том, о чем тогда рассказывали большевики раскрывшим рты и развесившим уши крестьянам, рабочим и солдатам. Жители города и окрестных деревень приняли резолюцию, в которой писали: «обсудив всесторонне политические события, находим, что дальнейшее безвластие и хозяйственная разруха в г. Пудоже и его окрестностях привели нас к полнейшему развалу и потому постановляем, что хозяином благоустройства должен быть сам трудовой народ, вполне приветствуем Советскую власть и Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, как истинных хозяев земли русской, и настаиваем на скорейшем выборе в уездный и городской Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, как верховный орган уездной власти...». Правда, Советы получились большей частью крестьянскими и солдатскими, поскольку ни в Пудоже, ни в уезде рабочих почти не было.

Немедля Пудожский Совет командировал уездного комиссара финансов Льва Адамовича Гижицкого в Петроград – просить денег на самые неотложные нужды у Председателя Совета Народных Комиссаров. Председатель Гижицкого принял, выслушал и положил ему в протянутую руку записку, с которой уездный комиссар обошел кабинеты других народных комиссаров. Пудожскому уездному Совету выдали двадцать тысяч рублей, из которых половину можно было истратить на развитие уездного хозяйства, а вторую половину – на содержание Пудожского детского дома. Памятная мраморная табличка на доме Базегского как раз об этих десяти тысячах.

В уезде с установлением новой власти все было сложнее. Волостные советы образовали быстро – уже к марту они были почти в каждой волости. Правда, больше половины членов волостных советов были беспартийными, а большевиков и тех, кто им сочувствует – всего около трети. Правда, в одной из волостей, Бережнодубровской, новая власть продержалась всего несколько недель, а потом крестьяне разогнали волостной Совет и пришлось вызывать отряд красногвардейцев из Петрозаводска для восстановления Советской власти. Правда, в другую Янгозерскую волость тоже пришлось посылать вооруженный отряд из Пудожа для того, чтобы предотвратить готовый вспыхнуть мятеж. Правда, в третьей волости, Авдеевской, Советскую власть вообще невозможно было установить до начала осени, поскольку ее там упорно не хотели устанавливать. Тамошние крестьяне в протоколах сходов регулярно записывали: «Мы, шестьдесят пять граждан Авдеевской волости, заслушав доклад об организации Советской власти, постановили: Советскую власть не признавать». И все же...

Как только новую власть установили и организовали комбеды – так сразу и занялись уравнительным распределением земли, а заодно и реквизицией у зажиточных хозяев излишков продовольствия и всего того, что захотели назвать излишками. Заодно позакрывали частные лавки и конфисковали по уезду больше сотни частных мельниц. И

так у комбедов размахнулись руки и так раззуделись плечи, что власти, видя, как обострилась обстановка в деревнях, сами распустили комбеды уже к концу восемнадцатого года. При переделе земли не обошлось, понятное дело, без самоуправства. Ясно было, что делить общинные, монастырские и церковные пахотные земли нужно было поровну, но как поровну и кому поровну, а кому ровнее, чем другим... Начались конфликты, которые как мог улаживал уездный земельный комитет. Между прочим, на весь уезд новой власти удалось организовать только три сельскохозяйственных коммуны, одна из которых называлась «Земной Рай». Крестьяне, твердо знавшие, что рай бывает только на небесах, в земной идти не хотели, как их туда не заманивали. Крестьяне хотели земли, осушения болот, расчистки мелколесья под пашни, железных плугов, борон, сеялок и веялок. Волостные земельные отделы просили прислать уездные власти агитаторов для разъяснительной работы. Водлозерский совет крестьянских и солдатских депутатов и вовсе прислал в уездный земельный отдел письмо за подписью председателя Лукина и секретаря Тарасова, в котором писал: «Отказываемся от коммуны, так как относимся к организации коммунальной жизни насмешливо»⁴². Тут еще выяснилось, что в одной из коммун ее председатель занимался приписками, брал себе приглянувшуюся ему коммунальную одежду, мануфактуру и продовольствие. Председателя отдали под суд и постановили проверить на счет приписок две других коммуны.

В это же самое время снаружи и внутри этих событий происходила Гражданская война – белые наступали с севера, со стороны занятых ими Повенца и Водлозерской волости Пудожского уезда, а красные в составе местной караульной роты, Пудожского коммунистического отряда и петрозаводского рабочего отряда особого назначения оборонялись из последних сил, с трудом удерживая Пудож. В июле девятнадцатого года белые вышли к устью Водлы, от которого до Пудожа всего два десятка километров. Надо сказать, что население уезда, после многочисленных реквизиций скота, продовольствия, имущества и мобилизаций к новой власти никаких симпатий не испытывало. В мае, в ряде волостей вспыхнуло восстание, в одной волости был убит военный комиссар, а в другой арестованы все члены волостного исполкома. Крестьяне отправили к белым гонца с просьбой о помощи, а белые... (Куда-то внутрь этого абзаца, перед июльским наступлением белых, нужно втиснуть открытие в Пудоже кинотеатра «Заря». Его открыли в июне девятнадцатого года. Звуковое кино пришло в Пудож через двадцать лет.)

Только к лету двадцатого года части регулярной Красной Армии освободили уезд от белых. Началась советская жизнь. На самом деле она началась еще раньше, весной девятнадцатого, когда в Пудоже начала выходить газета «Звезда Пудожа», редактором которой стал присланный из Петрограда большевик Константин Хряпин. Советская власть хотела от Пудожа и уезда только одного – леса. Бревен, досок, брусьев, горбыля и... чем больше – тем лучше. Уже в двадцать втором году трест «Севзаплес» начал промышленную заготовку древесины для нужд промышленности Петрограда. Для нужд его жителей Пудожский уезд поставлял дрова. В двадцать четвертом в уезде возобновил работу реконструированный Шальский лесопильный завод, стоявший с самого начала Первой мировой. Его продукция уходила на экспорт. Еще через четыре года в самом Пудоже возник промкомбинат, в котором было несколько деревообрабатывающих станков и пилорама. Оснащен он был локомотивом – паровым двигателем на колесах. К середине двадцатых годов леса стали заготавливать по четверти миллиона кубометров древесины ежегодно. В двадцать девятом в Пудоже был организован леспромхоз. Все это, конечно, довольно скучные материи – все эти доски и бревна. Если я вам скажу, что на лесозаготовках стали применяться лучковые пилы вместо привычных двуручных, гусеничные тракторы, конные, тракторные и автомобильные краны-деррики... вам станет еще скучнее. Между прочим, советский краевед рассказал бы еще о развернувшемся соревновании между лесорубами. К примеру, в тридцать пятом году лесоруб Петр Филатов, работая лучковой пилой стал заготавливать в день по шестнадцать кубометров леса. Два обычных лесоруба, оборудованных обычной двуручной пилой, заготавливали

меньше одного Филатова, а когда он стал работать с двумя подручными и через республиканскую газету «Красная Карелия» вызвал на социалистическое соревнование... Ладно, не буду. Только скажу, что жили лесорубы по дюжине человек в избушках, в которые можно было залезть только ползком. Освещались избушки лучинами. Иногда и избушек не было – строили шалаши, а бока этих шалашей прикрывали досками. Спали на соломе вокруг очага, горевшего всю ночь.

Хватит про лесорубов. Лучше поговорим о потребительской кооперации, которая появилась в Пудоже и уезде еще в девятьсот седьмом году. Не от хорошей жизни появилась – беднее Пудожа в Олонецкой губернии города не было. Средний денежный вклад у пудожан в девятьсот десятом году был пять с половиной рублей. Люди с такими средними денежными вкладами хотели покупать продукты и промышленные товары дешевле, чем им предлагали в лавках местных купцов. Уездные кооператоры стали заводить собственную торговлю, заводили лавки, в которых цены были ниже, чем у местных купцов, строили пекарни, пароходные пристани, склады, купили баржу для перевозки грузов, помогали студентам, вдовам... но все это работало в уезде. В Пудоже почему-то общества потребителей или умирали сразу же или существовали только на бумаге. После Гражданской, во времена НЭПа... Впрочем, и тогда потребительская кооперация не смогла расцвести, несмотря на то, что советская власть ее поддерживала как могла. То в кооперативные магазины не завезут спичек, то муки, то керосину, то продавцы, мгновенно превратившиеся в работников советской торговли, станут воровать и обсчитывать покупателей, то напьются, не отходя от кассы... Нет, про советскую потребительскую кооперацию двадцатых годов в Пудоже лучше не рассказывать.

Вообще, о жизни в Пудоже в середине двадцатых годов написан целый роман под названием «Шестеро вышли в путь». Написан он советским писателем Евгением Рыссом, который теперь забыт точно так же, как и писатель, написавший роман об иеромонахе Иннокентии. Евгений Рысс, после того как написал этот остросюжетный роман о шести комсомольцах, живущих в Пудоже, написал еще и сценарий для телевизионного фильма, снятого в семьдесят первом году. Пожалуй, это единственный художественный фильм, в котором снимался Пудож. Снимался, надо сказать, без всякого грима, поскольку за прошедшие почти полвека он почти не изменился. Только маленькие деревянные дома еще больше почернели и еще больше вросли в землю⁴³.

В двадцатые годы сам Пудож, хоть и стоял на месте, но где только не побывал. В двадцать втором его после упразднения Олонецкой губернии приписали к Карельской Трудовой Коммуне, которую саму упразднили через год после того, как к ней приписали Пудож. В двадцать третьем Пудож вошел в состав Автономной Карельской ССР. Через четыре года Пудож разжаловали из городов и стал он селом, хоть и райцентром, но все же селом, и пробыл им до самого сорок третьего года.

В первые, вторые и третьи годы советской власти открылись в Пудоже Дом крестьянина с читальней, спальнями и конюшней, клуб имени Карла Маркса, стали ходить от Пудожа в Петрозаводск пароходы «Роза Люксембург», «Урицкий» и «Володарский», в двадцать третьем появился в городе (пока еще в городе) ресторан «Отдых», организовали три футбольных команды, организовали шахматно-шашечный кружок при партийно-профсоюзном клубе, построили в городском саду сцену для выступления самодеятельных артистов, разрушали церкви, раскулачивали, загоняли в колхозы, головокружились от успехов и устраняли перегибы на местах, боролись с троцкизмом, правым оппортунизмом... Вот с правым оппортунизмом боролись плохо. В декабре тридцать первого года бюро Карельского обкома партии указывало Пудожской парторганизации на «наличие правооппортунистической практики в работе Райхлебживсоюза, потребкооперации, леспромхоза и отдельных сельсоветов»⁴⁴ и на недостаточную борьбу по преодолению этой практики. Представляю себе несчастного секретаря партийной организации, который сидит за полночь у себя в кабинете, в сизых клубах табачного дыма и обхватив голову руками мучительно думает, как ему усилить

борьбу с правооппортунистической практикой. Ну какая, спрашивается, может быть правооппортунистическая практика в работе Райхлебживсоюзе?! А ведь еще нужно было «решительно развернуть наступательную политику на кулака и классово-чуждые элементы, повысить классовую боеспособность партийных ячеек и их руководящую роль на производстве...»⁴⁵. Хоть наизнанку вывернись, а классовую боеспособность повысь. Ко всему еще и «наличие болезненных явлений в организации (пьянка и отсутствие решительной борьбы по ее устранению)», еще и «слабое развертывание пролетарской самокритики»...

Через два года бюро Карельского обкома и вовсе признает работу Пудожской районной парторганизации неудовлетворительной. Недостатков в работе ворох – «ряд партячеек не обеспечили проведения генеральной линии партии, что привело к правооппортунистическим и левацким искривлениям, к притуплению классовой бдительности... прямой защите кулака со стороны отдельных ячеек и коммунистов... ряд колхозов засорен кулацкими элементами. Со стороны зажиточной части и единоличных хозяйств наблюдается саботаж государственных заготовок...»⁴⁶. И это не считая того, что план лесозаготовок выполнен чуть более чем наполовину, планы по заготовке картофеля, овощей и сена не выполнены...

В тридцать третьем году за такую работу секретарь Пудожского райкома мог не только партбилет на стол положить. Как раз зимой тридцать второго года ГПУ по так называемому «делу о заговоре финского генштаба» арестовало восемьдесят человек и расстреляло двенадцать. И это только в Пудожке и районе. Предполагалось, что все эти люди были агентами финского Генерального штаба и готовили вооруженное восстание в северо-западных приграничных районах Советского Союза... Те, кого не расстреляли, отправились в лагеря. Здесь, в Карелии, и даже в Пудожском крае, к тому времени уже были и свои лагеря, но местных отправляли на Урал и в Сибирь.

В тридцать седьмом в Карелии «иностранных шпионов, членов повстанческих и террористических групп, готовивших диверсии против советской власти, саботажников» стали арестовывать и расстреливать сотнями. Оказалось, что Карелия буквально наводнена шпионами, террористами, диверсантами и саботажниками. В Пудожском районе арестовали и расстреляли рыбака из деревни Ильинский погост на Водлозере Ивана Кузьмина. Обвиняли его в том, что он состоял «членом контрреволюционной террористической группы Пудожского района, разработавшей детальный план убийства тов. Сталина и вооруженного налёта на съезд ВКП(б)». Арестованный главврач Пудожской районной больницы Федор Шаблеев успел передать жене письмо, в котором писал: «Дорогая Мария! На меня возведена небылица, что якобы имел связь с наркомом Аверкиевым, и он дал мне поручение организовать контрреволюционную повстанческую группу, и я даже устроил диверсионный акт – отравил воду в Водле и развил эпидемию в больнице... Как не возмущался мой разум, просидев на следственном стуле 136 часов безвыходно, без сна и пищи, я вынужден был признать себя виновным... Теперь, когда следствие закончено, они меня успокаивают, что большого наказания не будет... Советский закон меня не осудит, но что могут сделать люди, которые не отличают правду от лжи...»⁴⁷ Люди, не отличающие правду от лжи, расстреляли Федора Шаблеева осенью тридцать седьмого там же, где и Ивана Кузьмина – в десяти километрах от Пудожки, на Черной речке. Туда возили расстреливать всех осужденных по 58-й статье. Возили на единственной в городе полуторке, принадлежавшей местному райотделу НКВД. Той же осенью в Пудожке на городской площади состоялась выездная сессия Верховного суда Карельской АССР. Согнали на эту площадь, считай, весь взрослый Пудож. Обвиняли во вредительстве семерых районных землемеров. Прокурор и общественные обвинители требовали их расстрелять. Их и приговорили к расстрелу, но в последствии заменили его на разные тюремные сроки.

С тридцать первого года в Пудожском районе, на острове Большой Голец в Онежском озере было спецпоселение, где добывали карельский гранит сосланные туда

семьи раскулаченных. Остров расположен в шести километрах от впадения Водлы в Онежское озеро. Экскурсии туда не возят, но если договориться с кем-нибудь из местных жителей, то тебя отвезут на моторной лодке. Если, конечно, погода будет хорошая и озеро спокойное. Остров маленький – его можно было бы обойти быстрым шагом за полчаса, только быстрым шагом там не получится ходить – он весь завален гранитными блоками и их острыми осколками, по которым приходится ходить очень осторожно, рискуя поломать себе ноги. От лагерных построек там мало что осталось – каменные фундаменты нескольких барачных и стены какого-то здания, сложенные из плохо отесанных гранитных блоков самого разного размера. Цемента между блоками не заметно – вместо него в щели между блоками забиты мелкие гранитные осколки. На двух или трех прибрежных валунах выбиты даты, фамилии и имена тех, кто здесь жил и умирал⁴⁸. Кто-то выбил силуэт каменотеса с молотком и зубилом, кто-то силуэт матроса в бескозырке. Кажется, если увидишь здесь выбитую надпись о том, что фараон Верхнего и Нижнего Египта повелел... то не удивишься. Собственно, почти так оно и было. Из гранита, добытого на острове, поставили в Петрозаводске памятник вождю мирового пролетариата. Пришлось даже построить специальное судно, чтобы перевезти четырнадцать огромных гранитных блоков в Петрозаводск. Это самый большой и самый массивный памятник Ленину во всей Европе. Фигура Ленина высотой шесть с половиной метров, а вместе с постаментом – все одиннадцать. Как жаль, что на постаменте памятника нет петроглифов с острова Большой Голец.

Всего в Пудожском районе в годы большого террора осудили более четырехсот человек. Расстреляли триста пятьдесят – русских, финнов и карелов. В девяностом году на месте расстрелов в сосновом бору у Черной речки установили памятный знак жертвам репрессий.

Гранит в Пудожском районе и теперь добывают, правда, не на острове Большой Голец, а возле поселка Шальский на другом берегу Водлы. Там же грузят гранит на самоходные баржи. Стоящую столбом пыль от погрузки видно километров за пять, если не за десять.

В сорок первом немцы, а вернее, финны до Пудожа не дошли, но город и район были прифронтовым. На второй день войны газета «Красный Пудож» (так тогда называлась «Звезда Пудожа») вышла со сталинским эпиграфом «...Те, которые пытаются напасть на нашу страну, – получают сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород».

Пудож, правда, бомбили всего два раза за всю войну – в сентябре сорок первого и в июне сорок четвертого, уже перед освобождением Петрозаводска.

В сентябре потянулись в Пудож и район эвакуированные. Пошли, поехали и поплыли на всем, на чем можно плыть, из Петрозаводска, который к началу октября был занят финнами. Петрозаводск так горел, что гарью пахло даже в Пудоже.

Из дневника ученика пятого класса Пудожской средней школы Андрея Копосова: «Вчера к нам эвакуировали из Петрозаводска учреждения, на двух баржах... Немцы из Деревянного стреляли по ним из пушек... один снаряд попал в баржу и зажег ее. Утонуло более ста человек. На этой барже ехал Дворец пионеров»⁴⁹. Население Пудожского района на весь период войны увеличилось на восемь тысяч человек.

Стал Пудож жить военной жизнью. В сберкассе повесили объявление: «Состоя вкладчиком сберкассы, Вы участвуете в укреплении обороны нашей страны против немецко-фашистских грабителей-захватчиков. Деньги, внесенные после 23 июня 1941 года, сберегательные кассы выдают по первому требованию вкладчиков и в неограниченной сумме».

Танков с самолетами пудожане не собирали, но собирали деньги на их строительство, шили маскхалаты, вещмешки, патронташи, рукавицы, теплое белье, ватные штаны, гимнастерки и ремонтировали шинели. Делали солдатские котелки, железные печки, саперные лопатки и ящики для противопехотных мин. В поселке

Шальский организовали производство лыж. Бамбук для лыжных палок поставляли союзники через Архангельск. Ловили рыбу и обеспечивали ею Карельский фронт. Ловить рыбу на Онежском озере под непрерывными обстрелами береговой артиллерии и налетами финской авиации было занятием, мягко говоря, непростым, но рыбаки ее ловили. Гибли под налетами – и продолжали ловить.

Уже в июле сорок первого для борьбы с диверсантами был сформирован Пудожский истребительный батальон. Он охранял мосты, собирал финские листовки, искал диверсантов и парашютистов. Кроме истребительного батальона собрали еще и партизанский отряд, который возглавил председатель Пудожского райисполкома. В декабре из нескольких партизанских отрядов сформировали партизанскую бригаду, которая совершала рейды в финский тыл – на западный берег Онежского озера. Зимой в финский тыл ходили по льду Онежского озера. Весной по тонкому.

С начала сентября в Пудоже ввели комендантский час. Вечером и ночью запрещалось топить печи. В конце октября над Пудожем низко пролетел финский самолет. Так низко, что было видно, как пилот открыл фонарь и погрозил кулаком людям, стоящим в очереди в магазин. Финские самолеты прилетали в Пудож регулярно.

Из дневника ученика пятого класса Пудожской средней школы Андрея Копосова:

«Сегодня был налет самолетов на Пудож в течение 10 минут. Из крупнокалиберных пулеметов они обстреливали улицы, на которых были автомашины, но больше всего стреляли по улице Карла Маркса. В домах и на улицах есть раненые и убитые. Хлеба дают по 200 граммов...». В августе сорок четвертого в его дневнике появилась запись «Дают суп из ботвы и ряпушки с ложкой каши»⁵⁰. Голодали так, что в поселке Шальском некоторые рабочие лыжной фабрики ели кошек и собак. Впрочем, и в Пудоже, население которого увеличилось в два раза за счет эвакуированных, тоже их съели. Толкли и ели мох, крапиву, когда, конечно, она была. Только в апреле сорок второго от истощения и болезней в Пудожском районе умерло более двухсот человек. Из них детей до одного года около семидесяти.

Из докладной записки, направленной в июне сорок второго наркомом внутренних дел КФССР в Совнарком республики «О состоянии снабжения населения Пудожского района КФССР продуктами питания и политических настроениях»:

«Воскреснуть из мертвых нельзя, а мы уже на краю гибели – живые трупы. Норма 200 г. хлеба через 3-4 дня. Дети не встают и пухнут от голода. Будь прокляты жизнь и все пудожское правительство, которое о нас не заботится, а кушает в три горла. Папа умер от голода» (Архипов, Пудож).

«Если бы знал тов. Сталин, который горит перед нашими глазами, как яркий светильник, о всех безобразиях и о тех кошмарах, которые мы переживаем, что бы он с Вами сделал? Тов. Сталин с Вас спросит. Советская власть создавалась не для того, чтобы морить людей...» (Письмо подписано: группа эвакуированных и голодающих Пудожа).

«Переживаем жуткий голод. Больше не носят ноги. Народ падает на улицах и в очередях из-за головоотяпства районных руководителей, которые не могли завезти хлеб. На нас жутко смотреть» (служащий аптеки, Пудож).

По приказу Оборонстроя осенью сорок первого и зимой сорок второго ремонтировали дорогу, по которой поступали грузы для Карельского фронта и для самого Пудожа. На этих работах было занято до двух тысяч человек – в основном эвакуированные. Мужчин было мало. Только старики-ездовые на лошадях. Техники почти не было. Полторы сотни телег – вот и вся техника. Валили строевой лес, укладывали напиленные бревна поперек дороги бревно к бревну, посыпали все песком и копали водоотводные каналы. Осенью и зимой. Женщины и подростки. «Однажды пожилая женщина присела отдохнуть на кавальер, да так и повалилась замертво...»⁵¹.

В сорок четвертом фронт от Пудожа отодвинулся на Запад. Как только он отодвинулся – так сразу и оказалось, что побережье Онежского озера и некоторые острова сплошь покрыты минными полями. Свободных военных саперов, конечно, не было, и

офицеры из инженерного управления войск Карельского фронта стали учить добровольцев из местных жителей – большей частью молодежь, которой иногда и двадцати лет не было. Девушек тоже учили, поскольку их было куда больше, чем юношей. Назывались они минеры-разградители. В мае сорок четвертого начали учить, а окончательно все разминировали только к августу сорок пятого.

Из одиннадцати тысяч жителей города и района, ушедших на фронт, не вернулось пять тысяч. Они на памятнике, что стоит на площади Павших Борцов, и перечислены: шесть Андреевых, шесть Васильевых, пять Васькиных, шесть Соболевых, пять Соколовых, шесть Соловьевых, двое Птицыных, четыре Спирина, четыре Воробьевых, один Воронин, десять Стояновых, двенадцать Титовых, десять Трифановых, двое Трифионовых, один Гольдфейн, семь Хоботовых, шесть Фофановых, один Хейкинен, шесть Фроловых, двое Чижиковых, шесть Шишовых, двадцать Тарасовых, один Щукин, семь Терентьевых, тридцать Тереховых, пять Щербаковых, один Юрьев, один Скородников...

После войны... снова лесозаготовки. В сорок пятом году на всю лесную промышленность района имелся один автомобиль, чувствующий себя белой вороной среди лошадей с телегами. В пятьдесят седьмом автомобилей было ровно в сто пятьдесят три раза больше. К автомобилям прибавилось две с лишним сотни трелевочных тракторов и сорок три паровоза, бензопилы «Дружба» сменили лучковые, коммунисты и комсомольцы приняли на себя повышенные социалистические обязательства, образовались комплексные бригады, вызывавшие друг друга на соревнования, переходящие красные знамена стали переходить и... вековые Пудожские леса стали редеть так, как никогда еще не редели. В пятьдесят шестом было заготовлено более миллиона кубометров древесины, в пятьдесят восьмом – полтора миллиона, а в шестидесятых объем заготовок перевалил за два миллиона кубометров. Всех этих многочисленных лесорубов, сучкорубов, трактористов, шоферов и паровозных машинистов нужно было кормить. Стали поднимать сельское хозяйство, которое после войны было в таком состоянии, что тощих коров поднимали на ноги веревками. Чтобы увеличить посевные площади, стали осушать болота, которые собирались осушить еще в начале двадцатого века. После того как на двадцать первом съезде КПСС объявили, что социализм у нас победил окончательно и пора строить развитой, в Пудожском районе стали развивать дорожную сеть, у которой были сильные задержки в развитии. Некоторые из районных дорог даже развились до асфальтовых. Кульминацией развития районной дорожной сети стало строительство двух аэропортов – в Пудоже и в поселке Пяльма. В Пудоже даже построили аэровокзал. Кукурузники летали в Петрозаводск несколько раз в день. В конце восьмидесятых можно было на самолете Ан-28 долететь до Петрозаводска меньше чем за час. Перевозили до тридцати пяти тысяч пассажиров год, а это, считай, население почти всего Пудожского района вместе с Пудожем. Теперь уж не летают. Теперь из Пудожа в Петрозаводск летают вертолеты Ми-8. Сорок минут – и ты в Петрозаводске. Только не каждый день, поскольку рейсы чартерные. Да и билет стоит почти тысячу рублей. При средней зарплате в Пудоже в четырнадцать тысяч... ну, пятнадцать тысяч...

В семидесятых и восьмидесятых, когда наш социализм начал перезреть, вместо того чтобы развиваться в коммунизм... Тут бы надо было написать, что все понемногу начало подгнивать и разваливаться, но... не разваливалось. В семидесятых стали, наконец, строить кирпичные пятиэтажные дома и построили их целый микрорайон, в Пудоже появились водопровод и центральная канализация, районная больница, баня, комбинат бытового обслуживания, работали колхозы, мясокомбинат, хлебокомбинат, маслозавод, леспромхозы, рыбозавод, добывали гранит и даже построили возле поселка Шальский горно-обоганительный комбинат, производивший щебень для дорожного строительства. Между прочим, он производил два миллиона тон щебня в год, которые шли на строительство дорог в Нечерноземье.

В семидесятом году в Пудоже стараниями учителя истории и обществоведения Александра Федотовича Кораблева открылся краеведческий музей. Он и стал его первым директором. Поначалу музей был районным и народным, а в восемьдесят третьем, когда его коллекции стараниями директора разрослись, стал государственным.⁵²

Может, это и не был золотой век Пудожа, но... Конечно, водопровод, центральную канализацию, новую районную больницу, пятиэтажные дома, хлебокомбинат, маслозавод, баню и даже аэропорт вместе со всеми его кукурузниками золотым веком не назовешь, но теперь, когда от всего того, что тогда работало, грохотало, тархтело, мычало, доилось, несло яйца, колосилось, затаривалось в мешки, ссыпалось в бункеры, ругалось на совещаниях до хрипоты, выбивало фонды, ездило в Петрозаводск за переходящими красными знаменами и орденами, остались только хлебокомбинат, несколько маленьких лесопилок и чартерные рейсы на вертолете в Петрозаводск...⁵² Теперь, когда в Пудоже и районе найти работу на двадцать тысяч в месяц огромная удача, когда от животноводческих ферм и лесозавода остались одни руины... Теперь, оглядываясь назад, в то время, ~~видишь как там что-то поблескивает~~... не знаешь, что и думать.

Сегодня Пудож живет тем, что понемногу валит лес, но не обрабатывает его, а отвозит в соседние Кондопогу и Сегежу на тамошние целлюлозно-бумажные комбинаты; немного добывает гранит; немного производит щебня; немного ловит рыбы; немного мечтает о том, что было бы, если в Пудожском районе стали бы разрабатывать месторождение титано-магниевого руд, которых здесь залежи, только не разрабатывают потому, что нет железной дороги и достаточных электрических мощностей, а нет их потому, что не разрабатывают; немного за счет туристов, приезжающих посмотреть на петроглифы, половить рыбу на Черной речке и в Онежском озере, поварить уху на костре, пособирать чернику с голубикой, пожить в палатках в прозрачных сосновых лесах на его берегу и даже заглянуть в музей перед отъездом, но... на те деньги, которые стоит однокомнатная квартира в одном из спальных районов Москвы, в Пудоже можно купить пять двухкомнатных в самом центре потому, что предложение настолько превышает спрос...

И еще. Немного Пудож напоминает Индию, потому что по его тихим и пыльным улицам, кое-где заросшим травой, бродят коровы. В любом другом городе они бы наверняка заблудились, или не нашли бы на улицах травы, или попали бы под трамваи и автобусы, или их хозяев разорили бы штрафы за неправильную парковку скотины, но в маленьком Пудоже с его десятью тысячами жителей... Кстати, о жителях. Поэт Державин сказал о них чистую правду – они «ласковы, обходительны и довольно трудолюбивы, но, живя от правительства в отдалении...» перестали на него надеяться. Некоторые и вовсе сомневаются в его существовании, потому что не может же так быть, чтобы правительству на целый город, да еще и вместе с районом... нет, точно не может.

-----
¹Цит.по: Ю.А. Савватеев. Город Пудож и онежские петроглифы // Сб.: Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера. Материалы региональной научной конференции (7-9 сентября 2006 г.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 23.

²Цит.по: Н.С. Шайжин. Старая Пудога с XIV по XVIII век. Историко-бытовой очерк /// Сб.: Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера. Материалы региональной научной конференции (7-9 сентября 2006 г.). С. 99.

³Цит.по: Там же. С. 98.

⁴Цит.по: Там же. С. 99.

⁵И сейчас ловят. Только в Новгород эта рыба уже не попадает. Местные рыбаки сдают ее перекупщикам, а те увозят большей частью в Петербург и в Москву. Купить рыбу у местного жителя почти невозможно – или сам лови на удочку или езжай за ней в одну из столиц.

⁶Цит. по: Н.С. Шайжин. Указ. соч. С. 105

⁷Цит. по: Н.А. Кораблев Пудож. Историко-экономический очерк о городе и районе. Петрозаводск: Карелия, 1983. С. 11.

⁸Цит. по: М.В. Пулькин. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 170.

⁹Там же. С. 301.

¹⁰Там же. С. 311-312.

¹¹Там же. С. 312.

¹²Между прочим, в городе Санкт-Петербурге есть даже улица Пудожская. Некоторые пудожские краеведы полагают, что она так названа в ознаменование вклада, внесенного Пудожским погостом в строительство... Увы, не в ознаменование. Просто в восьмидесятые годы позапрошлого века несколько столичных улиц наименовали по уездным городам Олонецкой губернии. С другой стороны, какая-нибудь уездная рязанская Елатьма тоже помогала. И все помогали. Попробовал бы кто-нибудь не помочь. Так ведь Елатомской улицы нет, а Пудожская есть.

¹³ А. Г. Костин. Книга рекордов Пудожа. Пудож, 2006. С. 46.

¹⁴Цит. по: Н.А. Кораблев. Указ. соч. С. 14.

¹⁵Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем олонецкого наместничества Державиным. Цит. по: Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Очерки. Петрозаводск: Гос. изд. КАССР, 1958. С. 165.

¹⁶Там же. С. 164-165. Дома, в котором останавливался в Пудоже Державин, не сохранилось.

¹⁷Там же. С.165

¹⁸Там же. С.166.

¹⁹Там же. С.166.

²⁰Там же. С.164.

²¹Там же. С.164.

²²Как хотите, а чеканную формулировку «временно проживающие при разных должностях» могли придумать только у нас. Временно проживающий при должности мэра... или губернатора... или начальника РОВД... И оглянуться не успеешь, как они уже проживают при этих должностях постоянно, и их оттуда, как и написанное пером, не вырубить топором.

²³Олонецкие губернские ведомости. 1870. №10. С. 130.

²⁴Там же.

²⁵См. Н.А. Кораблев. Пудожье – древний край за Онежским озером // Север. 2010. №3-4. С. 156.

²⁶ Из Пудожа (письмо в редакцию Олон. губ. вед.) // Олонецкие губернские ведомости. 1869. № 56. С. 544.

²⁷Там же. С.545.

Если рассуждать аналитически, то в Пудоже «Биржевыми ведомостями» мог интересоваться только один человек – Иван Иванович Малокрошечный. Неужто он был такой... экономай, что из-за сорока копеек, пусть даже и серебром...

²⁸ Ф. Журавлев. Пудож // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 24. С. 138.

²⁹ И. Георгиевский. Этнографические сведения Олонецкой губернии о городе Пудоже с принадлежащими к оному окрестными селениями. 1856.

³⁰Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868-1869 гг. Петрозаводск, 1869. С. 193.

³¹Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 53. С. 508.

³²Одним из последствий упадка льноводства в Пудожском крае стало увеличение численности отходников. Пудожане не только сами разбредались и разъезжались в поисках работы по Олонецкой и другим губерниям, но и детей своих буквально сызмальства отдавали в обучение различным ремеслам в Петербург. Приезжал из столицы

наборщик в какую-нибудь деревню и интересовался у родителей, нет ли у них мальчиков и девочек от десяти до четырнадцати лет. Как только такие находились, наборщик тотчас же начинал рассказывать родителям о том, какие блестящие перспективы ждут их детей в столице, в каких прекрасных столярных, сапожных, башмачных, шляпных и пошивочных мастерских будут они учиться, как быстро всему научатся, как будут любить их будущие хозяева, как оденут в лучшие одежды и на выход дадут как минимум четвертной билет, а то и два. Родители, конечно, соглашались, потому как от такого счастья грех отказываться, и, помолившись Богу, ударяли с наборщиком по рукам, брали у него задаток от одного до двух рублей за каждого ребенка и...

³³С церковью Александра Невского вышла вот такая история. Николай Александрович Базегский спросил у пудожан – что будем строить? Церковь или мост через Водлу? Мост способствовал бы развитию сообщений, торговли... Выбрали церковь. Говорят, что местное купечество побаивалось конкуренции с соседней Вытегрой, в которой всегда все крутилось на несколько оборотов шустрее. С развитием сообщений вообще не задалось. То есть они, конечно, развивались, но большей частью речные и озерные. В последней четверти девятнадцатого века стали ходить грузопассажирские пароходы между селом Подпорожье, что в одиннадцати километрах ниже Пудожа по Водле, до самого Петрозаводска*. Поездка занимала около половины суток. Потом открылась еще одна пароходная линия, принадлежавшая Петербургско-Волжскому пароходству, потом еще одна, которую обслуживал грузопассажирский пароход «Сильфида», принадлежавший петрозаводскому купцу Фогелю, потом... Петербургско-Волжское пароходство свою линию закрыло из-за финансовых трудностей, а купец Фогель умер, и «Сильфида» перешла на другие маршруты. Все же регулярное пароходное сообщение между Пудожем (вернее Подпорожьем) и Петрозаводском было установлено с восьмьдесят седьмого года, но уже Петербургско-Петрозаводским пароходством**. По поводу открытия новой линии пресса писала: «Нельзя не быть благодарными обществу, открывшему пароходное движение в местности, о которой принято говорить, что свет здесь досками заколочен». И все же пароходного сообщения, ограниченного навигацией, было мало. Нужна была железная дорога. Сами пудожские купцы на этот счет... а вот вытегорский купец Воробьев предложил в семьдесят первом году проект постройки железной дороги от Вытегры до беломорского порта Онега как раз через Пудож. Через год провели изыскания на местности, и оказалось, что проложить дорогу можно. Кроме того оказалось, что денег на нее нет. И до сих пор нет.

-----
*Пароходы не могли подниматься по Водле до Пудожа, поскольку в Подпорожье реку во всю ширину перегораживает порог.

**Ходил по этой линии пароход стосильный винтовой «Геркулес». Как писала В.Н. Харузина в своих записках «маленький и грязный, служащий больше для перевозки грузов, чем для пассажирского движения».

-----
³⁴ В.Н. Харузина. На Севере. Путевые воспоминания. М., 1890. С. 20.

³⁵ А.Г. Костин А.Г. Книга рекордов Пудожа. С.4.

³⁶ Олонецкие губернские ведомости. 1878. № 96. С. 1158.

³⁷ Олонецкие губернские ведомости. 1889. № 75. С. 789.

³⁸ Олонецкие губернские ведомости. 1890. № 32. С. 313.

³⁹ По данным переписи 1897 г., в уездных лесах, кроме медведей, лосей, зайцев, белок, подосиновиков и муравьев на территории в 18,6 тыс. кв. верст, проживало 33,5 тыс. человек, а в самом Пудоже проживало полторы тысячи человек. На одну квадратную версту Пудожского езда приходился всего лишь один целый человек и еще восемь десятых другого человека. По данным переписи за 2019 г. на один квадратный километр Пудожского района приходится еще меньше народу – один целый человек и четыре

десятих еще одного. В Монголии больше. Медведей, лосей, зайцев и белок тоже сильно поубавилось. Только муравьям и подосиновикам все нипочем.

⁴⁰ А.Г. Костин. Книга рекордов Пудожя. С.16.

⁴¹Обычно большевики добавляли к этой триаде еще и помещиков, но особенность Пудожского уезда состояла в том, что там практически не было помещиков – крестьяне принадлежали государству и монастырям.

⁴²Цит.по: О.А. Киселева. Крестьянство Пудожского уезда и земельный вопрос в годы Гражданской войны // Сб.: Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера. Материалы региональной научной конференции (7-9 сентября 2006 г.). С.250.

⁴³Надо сказать, что роман советского писателя Рысса... очень советский. Одно из главных действующих лиц романа – купец Катайков Тимофей Семенович изображен исчадьем ада. В конце романа он, преследуемый комсомольцами, убегает, бросив старуху жену, из Пудожя с нажитым несправедным трудом золотом, валютой и драгоценностями, оседает в Новосибирске под другой фамилией и там живет никем не признанный до самой смерти, работая заведующим овощебазой и ведя скромную жизнь подпольного миллионера.

Реальный же купец Катайков Дмитрий Михайлович, как рассказал мне пудожский краевед Александр Григорьевич Костин, был человеком уважаемым – известным пудожским предпринимателем, общественным деятелем и благотворителем. Дожил он до пятьдесят девятого года, и не в Новосибирске, а в Ленинграде. Катайков был страшно обижен на Рысса за то, что тот воспользовался его фамилией. В Пудоже других купцов по фамилии Катайков не было, и перемена имени и отчества никого из пудожан обмануть не могла. Дочь Катайкова, Клавдия Дмитриевна, даже написала в пятьдесят девятом году письмо Евгению Рыссу, в котором доказательно опровергала факты из романа. Рысс отвечал ей: «Все, конечно, было совсем не так, как у меня в книге...», но упорно стоял на том, что имеет право на вымысел. Имеет, что и говорить. Что же касается братьев Малокрошечных и Николая Александровича Базегского, показанных в романе, мягко говоря, не с лучшей стороны, то они ко времени написания романа давно умерли и обидеться на писателя не могли, а хоть бы и могли...

Когда был показан телефильм, то пудожане его, считай, не видели. В семьдесят первом году у большинства из них и телевизоров не имелось, а если бы и были, то все равно не посмотрели бы, потому как до этих мест сигнал доходил до того ослабленным, что и не доходил вовсе. Теперь, когда все три серии фильма можно посмотреть, включив компьютер... никто его и не смотрит. Теперь это дела очень давно минувших дней. Почти неолит с петроглифами.

⁴⁴Бюллетень Карельского Областного Комитета ВКП(б). 1931 № 7-8. С. 1.

⁴⁵Там же. С.2.

⁴⁶Бюллетень Карельского Областного Комитета ВКП(б). 1933. № 1. С. 8.

⁴⁷Александр Трубин. Впервые сталинские расстрелы в Карелии подтвердились 25 лет назад под Пудожем. Московский комсомолец. 30 октября 2015.

⁴⁸На одном из камней выбита надпись «Логинов Мефодий Семенович 1914 10/VI». В сводной базе «Мемориала» написано, что арестовали Логинова, который к тому времени был трудпоселенцем, на острове 18 декабря 1937 г., через десять дней осудили по ст. 58-2-10-11 28 и через девятнадцать дней расстреляли на Черной речке. Было Мефодию Семеновичу двадцать четыре года.

⁴⁹Е.Г. Нилов Пудож: повседневная жизнь прифронтового города. 1941-1944 гг. // Сб.: Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера. Материалы региональной научной конференции (7-9 сентября 2006 г.). С. 315.

⁵⁰Там же. С. 316.

⁵¹Там же. С. 312.

⁵²Музей в Пудоже богатый, и экспонатов в нем много. Жаль только, что посетителей мало. Так получилось, что расположен Пудож на половине автомобильной

дороги между Мурманском и Москвой. Проезжающие останавливаются в Пудоже только переночевать, а утром встают и укатывают в Москву. В музей зайти им недосуг. Да и музей, признаться, переживает не лучшие времена. Здание земской управы, в котором он расположен, так обветшало, что и ремонтировать его нет никакого смысла. Крыша... нечего и говорить про крышу. Зимой внутри музея временами бывает не более двух градусов тепла. Ни водопровода, ни канализации в нем нет. Гвозди бы делать из его сотрудников, которые и в стужу и в зной приходят туда и работают в музее и в стужу и в зной. Обещают власти, что переедет музей в новое здание, которое на самом деле старое – бывшее здание райкома партии, но хорошее. Может, оно и хорошее, но небольшое. Как там разместить все необходимые экспозиции... Короче говоря, и оставаться уже нет никакой возможности, и переезжать боязно.

И еще. Однажды через Пудож проезжал писатель Даниил Гранин, и сам Кораблев водил его по музею и долго с ним разговаривал. Считается, что в романе «Картина» Гранин вывел Александра Федотовича под именем краеведа Поливанова. ~~Кто теперь помнит роман «Картина» да и все остальные романы писателя Гранина...~~

⁵³До Петрозаводска можно еще добраться на автобусе. Ехать, правда, нужно часов шесть. В советское время ходил по Онежскому озеру теплоход «Ладога», а потом, уже после советского времени, стала ходить «Комета» на подводных крыльях. «Комета» старенькая и не столько летит над водой, сколько по ней ползет, но за полтора часа от поселка Стекланный, что в устье Водлы, до Петрозаводска добраться можно. Не дай бог, еще и сломается посреди озера, которое как море. И вообще она уже два года как не ходит. Зимой остается только автобус, но и он, когда дорога обледенеет, может и не поехать. Вот тогда, если у тебя нет собственной машины или денег на вертолет, который неизвестно когда полетит...